

Праздничные дни и трудовые будни

Есть в наших советских праздниках особая красота. Об этом нельзя было и задуматься, гуляя по праздничной Москве и мыслями переносясь из края в край нашей славной Родины.

Наши праздники всемирны. Они радуют все наше общество, каждую семью и каждого человека в отдельности. Радуют потому, что они закономерно вырастают из наших трудовых подвигов, венчая радость наших будней. И на этот раз, в тридцатидесять седьмой годовщины Великого Октября, всех нас порадовали результаты трудовых усилий народа, результаты неметинно замечательные.

В какой бы области нашего творческого труда мы ни обратили взгляд, везде мы видим то самое стремительное движение вперед, которое всегда отличает советский уклад жизни. Демонстранты языком цифр и плакатов рассказывали об успехах промышленности, сельского хозяйства, науки, техники, искусства, литературы, а участники военного парада в Москве продемонстрировали новые успехи Советской Армии в повышении воинского мастерства и боевой готовности.

Традиционные октябрьские празднества по всей стране вылились в могучую демонстрацию любви и преданности народа своей родной Коммунистической партии. Партия вела наши народы в бой за победу Октября. Партия привела нас к победе социализма. Партия ведет нас к торжеству коммунизма.

Мы видим, как успешно претворяется в жизнь разработанная партией грандиозная программа строительства коммунизма. Наша социалистическая промышленность сегодня выпускает в 2,8 раза больше продукции, чем выпускала до войны. Основа основ ее — тяжелая промышленность. Мы, советские люди, вложили в нее много сил. Наша тяжелая промышленность с 1940 года возросла почти в три с половиной раза!

В эти дни снова вспоминаются нам цифры ГОЭЛРО. Давно перекрыты намеченные планы. Сегодня электричество проникло в самые отдаленные степные села и горные аулы, в вышки пустынь и поселки далекой тундры. За последние четыре года построены новые крупные гидроэлектростанции: Верхне-Свердловская, Химландская, Усть-Каменогорская и другие. Строится станция-гигант — Куйбышевская в Сталинградской области. Сооружена первая в мире промышленная электростанция, работающая на атомной энергии. В 1954 году страна получила электроэнергию в три раза больше, чем в 1940 году.

Наша промышленность перевыполнила государственный план за десять месяцев текущего года. Цифры выполнения пятилетнего плана показывают, что он будет выполнен по промышленности досрочно. «Перевыполнено», «досрочно» — эти два слова прочно вошли в нашу жизнь. Они означают, что у нас становится больше предметов широкого обихода, больше машин, больше электроэнергии, угля, металла...

Важней наш праздник — примечательный хлеб-солень. Так уж ведется история на Руси, и в этом заложен глубокий смысл. В нынешнем году партия и правительство осуществляют новые меры к резкому повышению продукции сельского хозяйства.

В праздничные дни опубликован Советский Центральный Комитет КПСС и Советского правительства о выполнении государственного плана хлебозаготовок колхозами и совхозами. Хлеб заготовлен и закуплен на 289 миллионов пудов больше, чем на эту же дату в прошлом году!

А между тем нынешнее лето в южных районах Украины и в Новороссии было, как известно, неблагоприятным: сильно пострадали посевы. Мы знаем, к чему привела засуха прежде, до революции, и к чему приводит она ныне в капиталистических странах, — к голоду. Советская, социалистическая система хозяйствования оказалась способной преодолеть последствия даже таких стихийных бедствий, как засуха.

Громадную роль в получении полноценного урожая сыграли освоение целинных и залежных земель в районах Сибири, Казахстана и Урала. Достаточно сказать, например, что Алтайский край увеличил производство хлеба в текущем году почти в четыре раза! Небодр хлеба в районах, подвергшихся засухе, перекрыт!

Авторы будущих фильмов

9 ноября закончил свою работу семинар молодых кинодраматургов в Болшево, организованной ЦСП и Министерством культуры СССР. В течение месяца 56 писателей Москвы и Ленинграда, Литвы, Латвии, Узбекистана и других республик знакомы с произведениями советской и зарубежной кинематографии, слушали лекции и беседы мастеров советского кино. Одновременно писатели работали над своими сценариями, получая постоянную помощь опытных консультантов.

Конфликты сегодняшней деревни раскрываются в сценариях В. Тендрова; сценарий из жизни заводской молодежи написал Т. Ситина; работает над произведением о шахтерах Ф. Волынский; героическому пути антифашиста посвящено произведение Жана Гривы. Ряд писателей осуществляет инсценировки своих произведений.

Выступившие на заседании писатели единодушно говорили о той пользе, которую принес им семинар. «Мы зарылись здесь в кинематограф, и это главное», — так выразил общее мнение М. Максимов.

В заключение выступил заместитель министра культуры Н. Охлопков.

«Наше кино — искусство многообразное, искусство разных жанров», — говорит Н. Охлопков — нам нужны психологическая драма и музыкальная комедия, героическая эпопея и водеvil. Мы живем в эпоху, мы любим смех, музыку, красоту, и нам совсем не стоит обделять свое искусство».

70-летие А. И. Белецкого

КИЕВ. (Наш корр.). На днях широкая научная и литературная общественность столицы Украины отпраздновала 70-летие со дня рождения и 45-летие научной и педагогической деятельности выдающегося советского ученого, члена-корреспондента Академии наук СССР, действительного члена Академии наук УССР А. И. Белецкого.

Племя А. И. Белецкого принадлежит свыше 300 научных работ и исследований в области античной и древней литературы, рус-

Огромная работа, проделанная в этом году на целинных и залежных землях, примечательна, как показатель величайшего энтузиазма всего народа, творчески взявшегося за выполнение решений Коммунистической партии по подъему сельского хозяйства, и как показатель неисчерпаемых возможностей социалистического сельского хозяйства.

Самой чудесной в мире силой назвал Ленин силу рабочего класса и крестьянства. Крепок и нерушим их союз. Мы видим это, в частности, и в том, что наше сельское хозяйство во все возрастающем количестве получает различные машины. Комбайнами убрано восемьдесят два процента всех зерновых культур! Все более обременяется труд человека в деревне. Достижения передовиков хорошо показаны на Всесоюзной сельскохозяйственной выставке.

В результате народного движения за крупный подъем сельского хозяйства подняты почти семидесяти с половиной миллионов гектаров целины при заделах в тридцать миллионов! В 1956 году под посевы пойдут 28—30 миллионов гектаров целинных и залежных земель. Этот прорыв всей посевной площади Франции и Италии, вместе взятых.

Каждую строку Сообщения Центрального Комитета Коммунистической партии и Совета Министров СССР о выполнении государственного плана хлебозаготовок можно развернуть в большой том летописи, повествующей о трудовом героизме советских людей. Каждое слово Сообщения свидетельствует о том, что партия и правительство делают все, чтобы в короткие сроки решить задачу удовлетворения все возрастающих потребностей населения страны в сельскохозяйственных продуктах.

В эти дни мысль невольно переносилась в страны наших близких друзей, где сотни миллионов людей живут теперь по-новому. В эти дни мы много говорили и думали о них — товарищах в странах народной демократии, о могучем народном Китае, о наших друзьях во всем мире. Семья демократических народов расширяется, окрепла! Это тоже радует нас, делает наши праздники ярче и краше.

Кого только из зарубежных друзей не встретишь в Москве в дни Октябрьского праздника: молодых китайцев, учащихся в высших учебных заведениях нашей столицы, юной и девушек из Праги и Бухареста, Хенчяна и Булашита, София и Тирана, Варшавы и Берлина. В Москве, среди братского советского народа, они чувствуют себя, как дома. А в их странах, в свою очередь, тоже отмечают праздник Великого Октября, отмечая, радуясь нашим успехам.

За последнее время достигнуты успехи в смягчении международной напряженности. Советское правительство вежливо предложение о запрете атомного и водородного оружия и других видов оружия массового уничтожения, а также предложение о существовании системы коллективной безопасности в Европе. Советское правительство принимает все меры, чтобы содействовать дальнейшей разрядке напряженности в международных отношениях. Такая политика по душе всем людям доброй воли.

— Однако, — напомнил в свой речи на Красной площади Маршал Советского Союза Н. А. Булганин, — в международной обстановке пока не произошло таких изменений, которые давали бы нам основания в какой-то мере снизить наше внимание к вопросам укрепления обороноспособности. Весь ход событий показывает, что западные державы продолжают свою политику сколачивания новых агрессивных блоков и гонки вооружений. Они не отказались от пропаганды войны, от враждебных выступлений против Советского Союза и стран демократического лагеря.

Вот почему советские люди, занятые мирными делами, продолжают всемерно поддерживать и крепить нашу армию.

...Миллионы советских людей любуются праздничным салютом. Цветные огни неслись в осеннее небо. От тех огней становилось светлее и теплее на сердце...

Великий праздник Октября прошел. Наступили трудовые будни тридцатидесятого года существования советской власти.

Мы беремся за новые дела. Мы продолжаем украшать советский дом, чтобы порадовать новыми успехами и нашу страну и всех наших друзей за рубежом.

Георгий ГУЛИА

ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

ОРГАН ПРАВЛЕНИЯ СОЮЗА СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ СССР

№ 134 (3318)

Четверг, 11 ноября 1954 г.

Цена 40 коп.

НОВЫЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ

Майор милиции и Прасковьюшка

ГЛАВА ИЗ РОМАНА «ЧЕРНАЯ МЕТАЛЛУРГИЯ»

А. ФАДЕЕВ

Они уже были вовлечены в сплошной ледяной поток людей, все более сгущавшийся по мере приближения к залитой свежим плащом, через который один за другим проносились битком набитые, с вихрем выходящие потоками людей трамвайные вагоны.

Маленькая молодая женщина, с лицом в сети преждевременных морщинок, но с необыкновенно жизнелюбивым выражением, которое придавало ее лицу остроту, подвижные глаза и нос с дуэлиной, одетая в такое поношенное платье и повязанная таким старым платком, как будто она специально выбрала все самое негодное, вывернувшись из толпы и, лихо проведя тонкую руку под руку Сою, зашагала рядом с ней.

— Здравствуй, Прасковьюшка, здравствуй, милая! — ласково и весело сказала Сою, прижимая руку женщины к груди своей.

Эта была работница в одном цехе с Соией увязчица бунтов проволочка-катушки, одна из последних представительниц тяжелого ручного труда, сохранившегося даже на таком совершенном станке, как проволочный.

Бунты поступают с металок, когда проволочка еще раскалена, и двое рабочих или работниц в специальной одежде и рукавицах, обдуваемые холодным воздухом, перевязывая бунты с двух сторон обрезами холодной проволочки, чтобы бунты не рассыпались перед тем, как их подцепит медленно движущийся крюковой транспортер охлаждения.

Прасковья Пронина, женщина малоростная и многодетная, потренированная в войну музак, вот уже восемь лет стояла на этом горячем посту. Всего ребят у нее было шестеро. Два сына уже подросли и работали, но матери не помогли: они были известны на Заречной стороне, как несправимые хулиганы, уже не раз имевшие дело с милицией.

Несмотря на тяжелый труд свой, жизнь без мужа и неудач с сыновьями, Пронина отличалась редкой жизнелюбивостью и тем особым юмором, в котором есть и что-то детское и какою-то неуловимая «подковырка». За это ее совои, а возможно, и потому, что она была такая маленькая, ее никто не называл по имени и отчеству, а все звали ее Прасковьюшкой.

У выхода к трамвайной остановке, на противоположном углу улицы, несмотря на ранний час, бойко торговал ларек.

— Чертяки! — сказал Гамалей, увидев возле ларька молодых ребят, державших в руках стопки. — Так мы их воспитываем! — А кто их воспитывает, они сами такие лезут, — сказала Прасковьюшка, взглянув на него острым веселым взглядом.

— Как такие лезут? — улыбнулся Гамалей.

— А поперечные, боком лезут! — сказала Прасковьюшка.

И в их компания, в центре которой были Сою и Прасковьюшка, с веселым хохотом водной выкатился к трамвайной остановке. Догнавших их Васю и Наушуну они приняли в очередь с радостными возгласами, как членов семьи, едва не оставивших от поезда, будто и в самом деле те подрастают метром, что все они прошли вместе по улице Курлового, связали их какими-то особыми узлами.

Очередь быстро пропала, но яeno было, что им-то улетает поезда только в третья, а то и в четвертую трамвайную двоекку.

— Только милиции не хватает! Нет, нет, я тебя люблю, — сказала Прасковьюшка, снизу вверх глядя на оставшегося возле нее рослого майора милиции в белоснежном кителе. — Ах, Дема, Дема! Как бы мне добиться, чтобы тебя поставили на наше Заречье, а этого Порфирюна, Просвирина, или как его там, на твое место? — спросила она наивно и, как всегда, без «подковырки».

— Я так и подумал, что у тебя нужда во мне, — сказал майор, с улыбочкой здороваясь за руку со всеми, кто был возле Прасковьюшки, всех называя по имени и отчеству или просто по имени. — Что у тебя приключилось? — спросил он, беря в правую руку Прасковьюшку за плечи большими сильными руками.

У него были руки каменитая, тяжелые, уздатые в суставах пальцы, и в то же время очень пропорционально сложенные красивые руки, сила которых была скульптурно отражена в сипетичности сухожилий на внешней стороне кисти.

Сам он тоже был сильным, пропорционально сложенным, богатырь с развитыми плечами и выпуклой грудью. Ничего лишнего не было в его теле, как и в загорелом лице его с резко выраженным рисунком лба, рта, носа, подбородка, с заглазными морщинами, просящими двумя прорывными морщинами. Глаза его выглядели бы совсем молоды, если бы их не окружала усталость, от которой нельзя освободиться ничьей хорошей сна после прогулки, усталость, накопленная годами бессонных ночей, душевного напряжения, усилий воли.

Даже трудно было сказать, сколько ему лет, но он принадлежал к тому же поколению, что и Прасковьюшка, чуть-чуть помоложе. Как и она и муж ее, он прибыл в Болшево, когда здесь была горячая степь, палатки, грузы и штабеля строительного материала, и в том месте, где кончалась только что пропеченная свята ветка железной дороги, стоял сипетичный и колесный вагон, над отодвинутой дверью которого висела вывеска: «Болшестрой».

уладчика бетона, являвшегося ныне такой же реликвией города, как плетень Лаврентий Борознов или доменный мастер Андрей Баратаев. Бригада Шамсутдинова состояла из русских и татар. Самыми младшими в бригаде были он, Дементий Соколов, и Муса Нургаев, который тоже начал свой путь каменщиком, а потом пошел третьим подручным на мартен.

Дементий Соколов проработал здесь три года, а всего он работал с Шамсутдиновым шесть лет. Образование у него было пять классов начальной школы; здесь он с трудом дошел до семи в школе рабочей молодежи. В это время проходил набор комсомольцев в школы милиции. Соколов вызвали в горком комсомола, и там у него состоялась беседа с представителем управления милиции области и секретарем горкома комсомола, которого Соколов хорошо знал. Представитель управления милиции сказал, что он, Дементий Соколов, создан для органов милиции. Соколов сказал, что ему это все равно, но он хочет учиться.

Секретарь горкома комсомола сказал, что ему так разозлило и предлагало.

В барак на третьем участке, где было тогда общежитие молодых строителей, никто не понял Соколова. Его лугали тем, что никуда он, как рабочий милиции, не сможет столько зарабатывать, сколько зарабатывает евант бригадиром каменщиков. Были и такие, что смеялись над ним: изображали, как он гонится за карманником и сипетич, или уговаривает пьяного у kiosка.

— Нет, по его росту его поставят регулировщиком, — говорили другие. — Простое по крайности, чтобы тебя поставили на Красной площади в Москве!

Он даже изображал все это в лицах, и он весело смеялся, глядя на свое будущее. Нельзя было не любить его за это, в особенности потому, что при другом характере он мог бы превратить все это компания наемников престо в связку бубликов.

Потом он престо на десять лет. И появился в родном городе на третий год войны, в звании капитана милиции. Его назначили начальником Второго городского отделения. Оно обнимало все территорию района, называвшегося теперь Кировским.

В ведение Соколова входила «Гора» — рудник, питавший завод рудой, — с ювенильскими и подволами горы землянками, так называемой «Кодушевской»; входило также «Поселение», где жили когда-то раскулаченные. Они давно уже получили все права граждан, работали на комбинате, имели индивидуальные домики, сады. Поселок их назывался Ключевским, по названию горы, на склоне которой он был расположен, а гора, по преданию, получила свое название по фамилии штейгера Ключевского, который жил тут в дореволюционное время, когда руду с Большой горы добывали только тут, что выходящая на поверхность, и возили на телегах на уральские заводы. Но поселок редко называли Ключевским, а по старому — «Поселением». Даже жители его, возвращаясь с работы, говорили по привычке: «Иду домой, на Поселение».

Ведению Соколова подлежал район рудообогатительных и аллювиальных фабрик, в которых тянулись над городом на несколько километров черные трубы газопровода и сложная линия электросети и от которых проложены были далеко за город подземные трубы отработанного шлама.

Ведению Соколова подлежал весь район старых барачков. Это были так называемые «участки», с которых когда-то и начался город и где до сих пор стоят тот барак, в котором жил юный Соколов. Они попрежнему назывались: «Первый участок», «Третий участок», «Пятый участок», хотя не имели теперь никаких границ, каждый барак имел свой уникальный номер.

Ведению Соколова подлежал также район деревянных коттеджей, так называемые «Сосны», где в первые годы строительства жили иностранные специалисты, а теперь — инженеры и техники комбината и наиболее старые и заслуженные стажеры. И, наконец, ведению Соколова подлежала та часть «Соцгорода» с его благоустроенными домами, которая лежала возле улицы Ленина, главной магистрали старого города.

В районе деятельности Второго отделения милиции, возглавлявшегося Соколовым, находились Горно-металлургический институт, клубы — горняков, строителей, трудовых резервов, подкомитки, отделение связи, главный универсальный магазин, велерийный магазин, магазин ТЭЖЭ, несколько ресторанов, ресторан «Каратемир», парк культуры и отдыха метизного завода, кинотеатр «Чемпион», маскобювет, завод фруктовых вод, два винных погреба, два самых крупных гаража — комбината и строительного треста и, как везде, множество ларьков и kiosков.

Через этот район проходили также пути электроснабжения на «Гору» и к фабрике.

Это был район контрастов.

В этом районе, где в годы войны больше всего было тех проявлений старой жизни, с которыми главным образом и имеет дело милиция, — от самых, казалось бы, невинных до самых страшных, — в этом районе Дементий Соколов наводил порядок: он привлек на помощь милиции молодых и женщин. После войны он получил звание майора.

Дементий Федорович был теперь такой же достопримечательностью Болшево, как Шамсутдинов, как Гамалей, как Пар-

луша и его товарищи Муса и Коля, как доменные мастера Крутилин и Баратаев, как Вася и Сою, как Прасковьюшка, с которой Дементий Федорович разговаривал теперь, называя ее просто Парашей: он знал Прасковьюшку еще оспет молодой и милостивой.

Дементий Федорович прибыл в Болшево с большой семьей: у него было трое детей, — теперь их было пятеро; вместе с ним приехали его отец и мать и мать жены. По военному времени он получил квартиру из двух комнат в «Соцгороде», а после войны ему дали хорошую квартиру на Заречной стороне — в самом конце проспекта Строителей, окна его квартиры выходили уже на степь.

Квартира его находилась на расстоянии восьми километров от того барака в Пятом участке, где до сих пор помещалось Второе отделение милиции. Дементию Федоровичу полагалась милиция. Но каждое утро он совершал прогулку из дома до места службы: это была единственная возможность пройтись пешком по воздуху. Все остальное время, — большей частью это были две трети или три четверти суток, а в случае чрезвычайных происшествий это могли быть круглые сутки или даже несколько суток, — он находился либо в помещении отделения милиции, либо в управлении городской милиции, либо на участках, на месте происшествия, куда уже не было времени идти пешком, а нужно было мчаться на машине.

Как бы поздно Дементий Федорович ни лег спать, он всегда выходил из дома ровно в семь часов утра. Он совершал свою прогулку по все времена года и при любой погоде. Если шел проливной дождь, майор шел в плаще с капюшоном, если буря, на майора был полушубок с поднятым воротником, буря, побитые кожей, и шапка-убушка с кокардой. Он шел ровным поспешным шагом через весь проспект Строителей, через дамбу и через весь Ленинский район на той стороне реки.

Он любил эту утреннюю прогулку еще и потому, что это были часы, когда люди шли на работу, и у него всегда были интересные попутчики или неожиданные встречи.

— Что же там у тебя приключилось? — спрашивал он Прасковьюшку, держа ее за плечи своими большими руками.

— Опять второй мой... Ромка...

С лица Прасковьюшки сошло так выходящее ее среди женских лиц ее особенное выражение жизнелюбия и появилось то общее, и для простых и для образованных женщин, материнское выражение, в котором было и что-то жалобное, и надежда на помощь, и готовность мгновенно солгать, если это может пойти на пользу родному детичку, — выражение, к которому Соколов привык за всемащадные лет службы в милиции.

— Привод или похуже? — спросил он, отпустив плечи ее.

— Видать, похуже. Была я у папего, как его, Просвирина что ли, говорит: «Под следствием»...

— Так, так, Параша... А скажи, у него приятель новых не объявилось? Не ночевал у него кто-нибудь из чужих? — спросил Соколов по внезапно возникшему ходу мысли, который он не пытался скрыть от Прасковьюшки.

Она, видно, могла бы сказать больше о своем сыне, но многолетняя близость с Дементием Федоровичем помешала ей сказать неправду и в то же время ей не хотелось откровенничать при таком стечении народа. Она пошла плечком и посмотрела на Дементия Федоровича уже с обычным своим выражением, в котором мелькнула веселая хитринка.

— Хорошо, Параша, я позвоню Перфильеву, — сказал Соколов, правильно назвав фамилию начальника Заречного отделения милиции, которую Прасковьюшка нарочито переперывала. — А тебя я вызову, может быть, на квартиру, тебе поближе будет.

Продвигаясь в очередь, которую подгоняли трамвайные вагоны, подхитившие почти беспрерывно, компания с улицы Курлового оказалась почти первой на очередную двоекку.

— На прицеп, на прицеп! — закричала Сою, подхватив под руку Прасковьюшку и одарив на прощание майора таким взглядом темнотозенных глаз, который говорил, что она, Сою, умная, опытная, недоворичная, но майор ей нравится, хотя и никогда не будет в ней допущен.

— Спасибо, Демущка! — успела сказать Прасковьюшка и ткнула майору руку плечком.

— Дементий Федорович, с нами? — обернувшись, сказал Крутилин.

— Нужно им с нами, у них машины! — сказал Синичин, самодовольно поджав губы. Он, как человек протезный, не знал привычек Дементия Федоровича.

Хоча и лавя друг друга, они лезли в прицепной вагон с обеих площадок.

Наушун и Синичин оказались все же не такими нахальными, как, например, Гриша Шаповалов, — они пропустили Васю и Сою с Прасковьюшкой и еще каких-то незнакомых женщин, а сами повели на подножке.

— Паулуша! Как мой Муса? — спрашивал Соколов о друге своей юности Нургаеве: ему так не хотелось рассатаваться с этой веселой компанией.

Международные отклики

ПРИЗНАНИЯ СУЛЬЦБЕРГЕРА

Несколько дней назад газета «Нью-Йорк таймс» опубликовала статью своего корреспондента Сульцберга о проблеме осуществления. Нетрудно понять, почему американская буржуазная газета занялась этим вопросом. Миллионы людей во всем мире кровно заинтересованы в мирном осуществлении различных систем, в ослаблении международной напряженности. Общественность всех стран горячо приветствует советское стремление укрепить сотрудничество с другими государствами. Именно это и беспокоит реакционные круги США. И американская пропаганда пытается затуманить сознание людей, исказить советскую политику мира между народами. Эту цель преследуют и статьи Сульцберга, которые, как он подчеркивает, выражают мнение высокопоставленных представителей государственного департамента США.

Отвергнуть идею осуществления по волежливому вышнему приказу Сульцбергер не решает. Зато он стремится убедить своих читателей, что Советский Союз якобы подражает под этим шепотом другое, совершенно для США неприемлемое. Руководящие американские государственные деятели, как свидетельствует Сульцбергер, придерживаются, дескать, «духовного представления о мире, управляемого чем-то большим, чем материальные вещи». «Материалистическое советское миропознание», — фантазирует Сульцбергер, — приводит к тому, что осуществление рассматривается в чисто физическом смысле... Он (советские люди) — Лит.) выступают за осуществление лишь в рамках единообразия». А Вашингтонские политики, утверждает он, мол, стоят за «существование духовных».

Ведь именно рассуждения Сульцберга с ссылкой на «концепцию Даллеса» выражают точку зрения, что осуществление могут только государства с одинаковым строем. Не ясно ли, что «философия» осуществления по призыву «духовного родства» осуществления (речь идет о капиталистических странах) положена в основу политики создания агрессивных военных блоков и группировок одних государств — капиталистических — против государств, на чьих знаменах начертано «Мир и социализм»?

«Философия», на которую ссылается американский журналист, находит свое выражение в практической деятельности дипломатов США. Не поэтому ли американские правящие круги отказываются принять советские предложения о создании общевооруженной системы коллективной безопасности, что это означало бы объединение всех европейских стран, независимо от их общественного строя и устройства, других стран и его хозяйств, как видно, гораздо больше устраивает система сколачивания замкнутых агрессивных блоков.

Сказать все это прямо Сульцбергер, естественно, не решает, зная, как популярно во всем мире идеи осуществления всех стран. Поэтому он для видимости снисходительно замечает: «Тем не менее это не означает, что с Москвой нельзя ужлаживать отношения».

Попытки Сульцберга извратить существо советской политики мира — это попытки с негодными средствами. Об этом говорит признание, сделанные им самим. Он пытается было рассуждать в своих статьях о некоем «моральном превосходстве» стран Запада, особенно США, над Советским Союзом. Но тут же он делает утверждение, которое опровергает его собственные слова. Сульцбергер и его хозяин, как видно, гораздо больше устраивает система сколачивания замкнутых агрессивных блоков.

«Советское мирное наступление», — пишет он, — «убедило миллионы людей, и эти люди в то же время испытывают беспокойство относительно конечных целей США». Где же пресловутое «моральное превосходство» США?

Сульцбергер признает, что хотя США «должны», но они не могут показать миру «отрадные плоды свободы». Не могут, говорит он, хотя бы потому, что над всей Америкой легла тень маккартизма.

«Подозрения и недоверие посеяны между нами, и в наших институтах их достаточно, чтобы не только пошатнуть уважение к самим себе, но и уважение других стран к нам», — пишет он. — Если эти тенденции продолжатся, то США будут напоминать Социнистические Штаты прошлого не больше, чем нынешние Афины напоминают Афины времен Перикла».

Знаменательные признания! Они не оставляют сомнения в том, что американская политика «с позиции силы», а не что-либо иное возлагает преграды на пути ослабления международной напряженности и мирного сотрудничества всех стран.

Советские писатели поздравляют Говарда Фаста

11 ноября исполняется сорок лет замечательному американскому писателю, мужественному борцу за дело мира, талантливому романисту и драматургу, пламенному публицисту и критику Говарду Фасту.

Выражая чувства любви и уважения советской читательской и литературной общественности, многие советские писатели послали Говарду Фасту поздравления. Александр Фадеев, телеграфировав: «В день рождения горячо любимого всеми советскими писателями и читателями писателя и борца Говарда Фаста шлю вам самые дружеские поздравления и лучшие пожелания».

«Хотелось бы поздравить вас, Говард, мужественную руку и лично пожелать новых творческих успехов, здоровья, счастья», — говорится в телеграмме Алексея Суворова. Константин Симонов пишет в своей телеграмме: «Примите, дорогой друг, самые сердечные поздравления от нашего коллеги и горячую признательность за ваши честные, смелые книги».

В телеграмме Бориса Полевое выражается уверенность, что следующие сорокалетие жизни Фаста будет ознаменовано «новыми мужественными, талантливыми книгами».

«Сердечно поздравляю дорогого друга, прекрасного писателя, мужественного и доброго человека», — телеграфирует Илья Эрэнбург. — Желаю счастья вам и вашим читателям».

Научная сессия по литературе ГДР

10 ноября в Москве открылась научная сессия, посвященная литературе Германской Демократической Республики. Сессия организована Институтом мировой литературы имени А. М. Горького и ЦСП СССР.

К. Федин в кратком вступительном слове подчеркнул растущие культурные связи между народами Советского Союза и ГДР. С докладом «Тема строительства новой жизни в литературе Германской Демократической Республики» выступила кандидат филологических наук А. Русакова. Кандидат филологических наук Н. Рачинская сделала доклад о традициях и новаторстве в поэзии И. Бехера.

11 ноября сессия продолжит свою работу.

Тысячи женщин и девушек, которым приходится бывать в Центральном универсаме Москвы, всего вернее, не знают Александру Хрусталеву, хотя эта пожилая женщина всегда полна забот о них.

Александра Павловна — контролер качества, проще говоря, бракер. С первой до последней минуты своего рабочего дня она стоит у небольшого прилавка на складе женского платья. На этом прилавке держат строгую проверку все шерстяные и шелковые платья, поступающие в магазин со швейных фабрик. Зоркие глаза контролера присматриваются к платью так же, а часто даже более придирчиво, чем самая привередливая покупательница.

Вот легло на прилавок шерстяное платье. Александра Павловна поднимает его, ветрякает и оглядывает со всех сторон, оценивая фасон, отдушку, а затем быстрые гибкие пальцы отщипывают швы. Платье проверено, на прилавке появляется следующее. Но выражению лица браковщицы можно легко угадать причину. Вот это явно поправилась. Другое вышло озабоченности. Но бывает, что лицо Александры Павловны выражает огорчение и даже тоску.

— Нет, вы посмотрите только, что делают, — вдруг начинает горячиться она, рассматривая платье из тонкой клетчатой шерсти. — Эту шерсть льня шить днем с огнем, а они превращают ее в мохик... Нет, не приму, ни за что не приму!

Случайно услышав этот короткий, но энергичный монолог, я заинтересовался им. Александра Павловна вновь растерялась на прилавке клетчатое платье и стала показывать его изыски.

— Вот такие безформенный, отделил никак... Брак, форменный брак, — возопила она. — Ох, уж эта мне артель «Швейница». Не пойму, почему им разрешают такую дорогую шерсть переводить.

Образованные возможности высказаться на прилавке несколько забраных своих платьев. Комментариев они не требовали, так наглядно видны все изъяны: безформенные линии, безукусная отдушка.

— На меня часто сердятся, — поясняет Александра Павловна. — Строгая, говорят. Хотят, чтоб я только дырки и латки смотрела. Ну, сами посудите, — вновь горячится она, — вы купите своей дочке такое платье? Не купите! И тот, кто шил это платье, тоже не купит, и модельер его не наденет.

Захотелось узнать имена авторов моделей этих платьев-уроков. Отсюда же, со склада, позвонили в Дом моделей Министерства промышленности товаров широкого потребления. Назвали списанные с ярлыков номера моделей.

— Да, это наши модели, — ответил чей-то голос. — Но они уже переданы фабрике № 18.

Вскоре на складе появилась встревоженная представительница Дома моделей. Она осмотрела отобранные Александрой Павловной платья:

— Нет, не может быть, чтобы мы выпустили такие модели.

— Как же так, ваши модели или не ваши?

— Это надо на фабрике проверить, — ответила она.

— Что ж, на фабрике, так на фабрике. Утром следующего дня в лаборатории фабрики № 18 состоялся необычное совещание. В нем приняли участие Александра Павловна Хрусталева со своими «экспонатами», представитель Дома моделей, художника тов. Кузнецова, автор моделей, и главный инженер фабрики тов. Абакумова.

На столе лежало изурованное шелковое платье. Рядом висела модель, по которой оно было сделано. Сравнение вызвало

в памяти базарную мазну, именную конями известных полотен.

Художница чуть ли не со слезами смотрела на платье, шитое по ее модели, так не похоже оно было на то, что задумала она.

На столе появилось кругое платье, забракованное Хрусталевой.

— Это мы уже шили с производства, — поспешил предупредить главный инженер. — Сдается, опозорится, что на фабрике № 18 умеют шить отличные платья. Почему же наряды с прекрасными вещами из ворот фабрики выходят и вот такие платья-уроки?

— Трудности! — объяснял главный инженер. — Пуговицу хорошую нельзя достать, нет отдели, ткани не всегда получаем в нужном ассортименте. А план есть план, нужно выпускать продукцию. Вот и берем либо не ту ткань, либо не ту отдушку!

Как же так получается? Фабрика дает самые лучшие ткани — бархат, шерсть, шелк. Модели выполняют лучшие художники, а все это уродуется какой-нибудь прошивной игуновщицей, недействительной.

Смотришь на модели, созданные художниками: умейте делать! И для моделей все намислось — отличные игуновщицы, прекрасная отдушка. Но почему же, утвердив модель, министерство не обеспечивает выпуск платьев по ее образцу в больших тиражах, без уродующих поправок? Не потому ли, что руководители министерства видят перед собой только вот эти прекрасные модели и не видят тех платьев, что огорчат Александру Павловну?

А думается, что если бы министр увидел платье из тонкой шерсти, «украпанное» игуновщицей брючного образца или лициным тюлем, он бы нажал палец и нашел бы возможность решить простые проблемы. Не может ведь так быть, что модель — это только для вида, а для покупателя — совсем другое. Не может и не должно быть, чтобы в погоне за выполнением плана детали не считались с интересами потребителей.

Не должно быть! Но, к сожалению, бывает. И, что уж совсем нехорошо, когда производство брака регламентируется и даже узаконивается самим Министерством промышленности товаров широкого потребления.

В том же магазине, где работает Александра Павловна, бракеры склада тканей усомнились в качестве шерсти, полученной от Ростовкинской камвольной-отделочной фабрики. Лабораторная проверка подтвердила сомнение. Шерсть оказалась плохо окрашенной, начала. По пятибалльной системе оценки прочности окраски ростовкинская шерсть получила «двойку». Ростовкинцы сразу согласились принять шерсть обратно. Но, когда у них потребовали штраф за поставку брака, они категорически запротестовали:

— Может быть, для покупателя это и брак, но для фабрики это совсем не брак.

— Как так?

— А очень просто, — показали ростовкинцы. — Окраска шерсти на «двойку» не расходится с «временными нормами прочности окраски, установленными Министерством легкой промышленности СССР» еще в октябре 1952 года. Оказываются, такое качество окраски допускаясь установленными нормами.

Не единичный это, к сожалению, случай. Здесь же, в Центральном универсаме столицы, сталкиваясь с фактами, когда браковдцы не только оправдываются, но и выноят за право выпускать брак. Недавно магазин получил от Ленинградской фабрики имени Веры Слуцкой одиннадцать тысяч метров дубль-сатина. Ткань эта должна была быть на выделку, на пошивку мужских рубашек. Но дубль-сатин фабрики имени Веры Слуцкой был присущ одно непреклонное качество. Стоило потереть его белой тряпочкой, и на ней

появлялись черные пятна. Сатин лезил.

В Ленинград полетели телеграммы. От фабрики ни ответа, ни привета. Универсам обратился в государственный арбитраж. Вот тогда только зашевелились на фабрике. В Москву приехали ее представители. Можно было предположить, что они извинятся и заберут сатин. Ничего подобного! Представители фабрики приехали в Москву с непоколебимым намерением доказать, что они имеют право выпускать пятнистую ткань.

Первое возражение сводилось примерно к следующему: «Пачкают? Это еще ничего не значит, надо проверить в лаборатории».

Когда же и лабораторный анализ подтвердил, что прочность окраски ниже всех допустимых пределов, работники фабрики прибегли к другому аргументу: «Да, пачкают! Но где сказано, что нельзя выпускать линяющий сатин? Ни один ГОСТ не дает права переводить ткань в брак при пониженных показателях по прочности крашения».

И действительно, государственный арбитраж отказался признать эту партию сатина браком, а перевел ее лишь во второй сорт.

Если бы на полках магазина появились чайники самой великоколесной формы из отличного металла, но с дырками на доншиках, ни у кого не возникло бы сомнения в том, что это брак, за который виновники нужно строго наказывать. А почему же можно пускать в продажу ткань, которая будет пачкаться, белье покупателя?

Это кажется невероятным, но юристы консультативного комитета по защите интересов потребителей — специалисты арбитража работникам отдела тканей, добавили от себя следующие неутешительные слова: «Для соблюдения этого решения нет оснований, так как Министерством торговли СССР до сего времени не решено вопроса об отмене заниженных нормативов прочности крашения, установленных Министерством легкой промышленности». И в связи с этим подчеркнул: «Кань по качеству формально соответствует действующим техническим условиям».

В том-то и дело, что формально. Это, может быть, устраивает чиновников-формалистов, но не миллионы покупателей. Сатин-то ведь пачкает! Как же его можно продавать даже вторым сортом? И что же это за «действующие технические нормативы», которые дают основание браковдцам пренебрежительно относиться к запросам советских людей?

Наша легкая промышленность, осуществляющая указания партии и правительства о расширении производства промышленных товаров широкого потребления и улучшении их качества, добилась больших успехов. Непрерывно расширяется ассортимент товаров народного потребления, учащаются их внешнее оформление, качество. Но вот такие факты, когда некоторые текстильные фабрики, ссылаясь на «действующие нормативы», отстаивают свое право выпускать недоброкачественные вещи, заставляют задуматься. Не слишком ли выгодно является браковдкам на предприятиях Министерства промышленности товаров широкого потребления? В этом необходимо разобраться прежде всего самому министерству.

Почему бы на ближайшей коллегии министерства не разобраться в фактах, которые мы здесь сообщали? Это ведь нетрудно сделать. Назовем в помощь министерству номера моделей, которые отказываются принимать Александра Павловна Хрусталева. Номера эти: 7-1130; 7-1223; 7426.

А пухлое дело о линяющей сатине хранится в делах ЦУМ под номером 680. Кстати, там же на складе лежат вот уже несколько месяцев без движения и тысячи метров этого сатина.

И. БЕЛОВ

Недавно в «Литературной газете» было опубликовано письмо академика В. А. Обручева, в котором старший научный сотрудник высказал надежду, что Второй съезд писателей поможет возродить столь нужную советской молодежи жанр научно-фантастической литературы.

Сейчас, как бы переключаясь с мнением ученого, активно выступил в защиту научной фантастики и приключений научно-популярный журнал рабочей молодежи «Знание — сила», посвятив этому жанру свой 10-й (октябрьский) номер.

В передовой статье «Слово перед съездом» «Знание — сила» обращает внимание писателей на богатейшие возможности для создания многогранной научно-фантастической литературы. В основу произведений этого жанра могут лечь истинные фантастические завоевания советской науки и техники, которые ежедневно переводят в разряд очередных, реальных задач вчерашние несбыточные мечты.

В подтверждение журнал публикует выдержки из сообщений советской печати за последние несколько месяцев: о гигантских гидрогенераторах, станках, автоматических линиях, о пуске первой промышленной электростанции на атомной энергии, о субтропиках в Иваново, сверхзвульных электропередачах. В другой подборке из газетных сообщений — «Смелые люди» — журнал рассказывает, что наша мирная действительность насыщена фактами, свидетельствующими о мужестве советских людей. «Прочтите», — говорится во вступлении к подборке, — и вы почувствуете, каким должен быть главный герой советской приключенческой литературы».

Журнал показал эти герои, советских людей, в действии, осуществляющих дерзновенную мечту человечества — полет на Луну; этой теме посвящена большая вставка — номер журнала «Знание — сила» за 1974 год.

Читатель видит на обложке межпланетный корабль «Луна-1», взметнувшийся ввысь в межпланетное пространство. Далее из «Сообщения Академии наук СССР», напечатанного на первой полосе центральных газет, из бесед с учеными полета, собраний ученых, инженеров, рабочих, принимавших участие в сооружении межпланетного корабля, читатель узнает все подробности подготовки и полета на Луну.

Эти беседы написаны на основе последних достижений науки и техники, которые уже сегодня сделали реальным разговор о полете на Луну. Вместе с экипажем вымышленного ракетоплана читатель переживает трудности, с которыми придется столкнуться будущим странникам в межпланетном путешествии, вместе с ними он ощущает и радость победы первых советских людей на Луне.

Статьи, беседы, иллюстрируемые схемами, рисунками, «фотографиями» участников и даже «радиофотографиями с Луны», настолько убедительны и достоверны, что читатель, держа в руках журнал за 1974 год, порой забывает, что пока все это — лишь плод фантазии группы ученых, инженеров, литераторов и художников, смело заглянувших в будущее.

Следует поздравить коллектив авторов и сотрудников редакции «Знание — сила», который проявил хорошую выдумку и изобретательность, подтолкнув интересный номер журнала. Почти журнала «Знание — сила» — яркое доказательство жизнеспособности и необходимости жанра научно-фантастической и приключенческой литературы.

Не на каждой карте можно найти Луховицы. Товарищи из Луховицкого Совета, конечно, хотят, чтобы Луховицы были очерчены кружком на многих картах. Они, вероятно, желают, чтобы о Луховицах знали на юге и севере, на востоке и западе.

Это желание совершенно естественно, закономерно и, кроме чувства уважения, не вызывает. В малой канье воды, в какой-нибудь речке мы находим отражение солнца. В Луховицах мы видим маленькую часть огромного целого.

Пусть люди из поселка между Коломойной и Рязанью, приезжая в большие центры, говорят о себе с достоинством: — Мы из Луховиц!

И очень хорошо, когда люди в больших центрах отгадываются на эти слова словом сердечного приветия и глубокого уважения.

— Вы из Луховиц?! Очень, очень приятно! Слышали мы о Луховицах. Знаем Луховицы. Да и стыдно было бы нам не знать про Луховицы...

На происходящей ныне в столице сельскохозяйственной выставке луховицкие граждане пользуются популярностью и славы. В московском павильоне многие экскурсанты искали знатных животноводов из луховицких колхозов и совхозов и были очень рады воочию увидеть председателя колхоза имени Сталина Ф. С. Генералова, доктор К. М. Лощену и И. Р. Селезневу.

О них знают не только в своем районе, но и далеко за его пределами. Знают на юге и севере, на востоке и западе.

И этим может гордиться Луховицкий район.

А ведь сравнительно недавно те же Луховицы были крохотным поселком при железнодорожной станции в колхозе мехпесчаных лесов и люди этого поселка в зимнюю пору отбивались от волков, подступавших к населенному пункту. Луховицы тогда не было ни на каких картах. Луховицы не фигурировали на выставках и в печати.

Помнит ли об этом товарищи из местного Совета? Или все минувший не представляет для них интереса? И не распадаются ли для них связи времен, а также и связь поколений?

Конечно, Луховицы ныне разрослись на все четыре стороны света, выросли, стали районным центром, и населения в поселке стало больше, чем было раньше. Но и при новых масштабах человек в Луховицах не должен исчезнуть из сферы зрения местного Совета, затеряться, пропасть. Человек — не попка в сене. Тем более, если этот человек кое-что сделал для того, чтобы Луховицы перестали быть медвежьим углом, глухоманью, провинцией, забытой богом и людьми.

А вот в поселке одного человека до такой степени забыли, что даже фамилию его пишут в разных вариантах.

В документе, поступившем из общего отдела Московского областного Совета председателю Луховицкого райисполкома и датированном 29 сентября 1953 года, речь идет о жителе села Луховицы — Проскудине.

Сентябрьский документ из Москвы породил в октябре 1953 года местную, луховицкую бумагу, в которой Проскудин перемещен в Проскуния.

В апреле 1954 года районный отдел социального обеспечения выпустил в свет бумагу о том же человеке.

В бумаге этот человек назван Проскудиным.

В июне 1954 года в районной газете мы уже имеем дело не с Проскудиным и не с Проскудиным, а с Проскудиным.

Они и тот же человек, обитавший в поселке, именуется в местных документах по-разному.

Это не мелочь. Это очень важно — знать

и писать точно фамилию, имя, отчество гражданина.

В данном случае мы имеем дело с гражданином, имеющим право на то, чтобы его знали и уважали в Луховицах и не только в Луховицах.

Михаил Васильевич Праскунин родился в 1877 году. Он — сын луховицкого крестьянина. Более десяти лет работал в чугунолитейном цехе Коломенского завода, потом был рабочим в Петербурге и в Москве. Участник трех революций в России. Как рабочий-революционер, он встречался с царским судом и был знаком с тюремными казематами.

Михаил Праскунин — самородок, талантливый человек, поэт. Он начал печататься в годы первой русской революции. Его произведения вошли в первые сборники рабоче-крестьянских литераторов. В годы столыпинской реакции он писал стихи, в которых высказана в образном слове сердечная боль за трудовой народ и выражена горячая вера поэта в светлое будущее этого народа.

Им создана книга стихов «Поляны на родных полях». Это — книга о полях, что были знакомы поэту с детства, — о полях московских, рязанских, луховицких. Это правдивая книга о дореволюционном деревне, о былой нищете крестьянина.

Не только стихами боролся Праскунин за перемены на родных полях. Михаил Васильевич был советским деятелем в Луховицах. Десять лет проработал он в волостном отделе народного образования. Его перу служили новояз, народной власти. Стихи Праскунина печатались в московских журналах. Часть их можно найти в антологии русской поэзии XX века, вышедшей в Москве в 1925 году.

Таков житель дома номер десять по улице Кирова в Луховицах.

Союз советских писателей СССР судьбой старого поэта не интересовался. Впрочем, М. В. Праскунин, человек исключительной скромности, не стал даже в Союз советских писателей, не номинировал на себя. Написал же однажды о своих нуждах, но в ответ ему... сообщили адрес магазина на Арбате, в коем имеются всевозможные сорта писчей бумаги! Казалось бы, заботиться о ветеранах литературного труда — первейшая, святая обязанность Литературного фонда. Дело это не лишнее, не маловажное, это большое, благородное, интересное дело.

Любой труженик интересен для любознательного и культурного администратора. Праскунин — старый труженик на советской ниве, литератор, бывший человек, подлинный патриот Луховиц и их окрестностей, живая энциклопедия, живая история района. Ему ли не помочь в нужде и в печали? И не разделить ли с ним последние радости, выпадающие на долю старика-пенснера?

Любовь к своему городу, к своему селу выражается во многом — в стройке домов, дорог, мостов, школ и клубов, в древопосадке, в закладке новых садов. Но прежде всего патристическое чувство выражается в заботе о людях, в уважении и в любви к ним. Да позволено будет нам привести цитату из Гогаля. Писатель советская путешественник: «...приехавши в первый уездный или губернский город, старайтесь узнать его достопримечательности. Они не в архитектурных строениях и древностях, но в людях. Кланусь, человек стоит тогда, чтоб его рассматривать с большим любопытством...»

Луховицкие руководители, конечно, совершают путешествия в Рязань, в Коломну, в Москву. Это делает им честь. Их честь не убавится, если они, шествуя по своему поселку городского типа, будут постоянно помнить, кто и как живет на той или иной улице, в том или ином доме.

И. РЯБОВ

ПРЕДСЕДОВСКАЯ ТРИБУНА Уважать свой „литературный цех“

Вдумываясь в материалы Первого съезда советских писателей, невольно проникаешься замечательными настроениями того общего, что звучит и в сильных, как удары молота, речах Горького и в разных по мысли и формам их выражения выступлениях десятков писателей. Это общее — желание решать задачи нашей великой литературы всем вместе, стремление к коллективизму, к разумному объединению всех усилий. Такова была реакция большинства литераторов на ликвидацию партий оточерствшего всем РАША, стремившегося разобщить писателей на группы и группочки, навесить каждому соответствующий ярлык. Литераторы с энтузиазмом и единодушным восторгом признали в объединении и консолидации сил, исходящих в первую очередь от Горького, у которого все его выступления на этот счет выдают страстную мечту о писательском коллективе, о «литературном цехе», соединяющем сотни талантов в единое целое, в качественно новую могучую силу, способную решать любые задачи.

Василий АЖАЕВ

Вспомогая в материалах Первого съезда советских писателей, невольно проникаешься замечательными настроениями того общего, что звучит и в сильных, как удары молота, речах Горького и в разных по мысли и формам их выражения выступлениях десятков писателей. Это общее — желание решать задачи нашей великой литературы всем вместе, стремление к коллективизму, к разумному объединению всех усилий. Такова была реакция большинства литераторов на ликвидацию партий оточерствшего всем РАША, стремившегося разобщить писателей на группы и группочки, навесить каждому соответствующий ярлык. Литераторы с энтузиазмом и единодушным восторгом признали в объединении и консолидации сил, исходящих в первую очередь от Горького, у которого все его выступления на этот счет выдают страстную мечту о писательском коллективе, о «литературном цехе», соединяющем сотни талантов в единое целое, в качественно новую могучую силу, способную решать любые задачи.

Вспомогая в материалах Первого съезда советских писателей, невольно проникаешься замечательными настроениями того общего, что звучит и в сильных, как удары молота, речах Горького и в разных по мысли и формам их выражения выступлениях десятков писателей. Это общее — желание решать задачи нашей великой литературы всем вместе, стремление к коллективизму, к разумному объединению всех усилий. Такова была реакция большинства литераторов на ликвидацию партий оточерствшего всем РАША, стремившегося разобщить писателей на группы и группочки, навесить каждому соответствующий ярлык. Литераторы с энтузиазмом и единодушным восторгом признали в объединении и консолидации сил, исходящих в первую очередь от Горького, у которого все его выступления на этот счет выдают страстную мечту о писательском коллективе, о «литературном цехе», соединяющем сотни талантов в единое целое, в качественно новую могучую силу, способную решать любые задачи.

Вспомогая в материалах Первого съезда советских писателей, невольно проникаешься замечательными настроениями того общего, что звучит и в сильных, как удары молота, речах Горького и в разных по мысли и формам их выражения выступлениях десятков писателей. Это общее — желание решать задачи нашей великой литературы всем вместе, стремление к коллективизму, к разумному объединению всех усилий. Такова была реакция большинства литераторов на ликвидацию партий оточерствшего всем РАША, стремившегося разобщить писателей на группы и группочки, навесить каждому соответствующий ярлык. Литераторы с энтузиазмом и единодушным восторгом признали в объединении и консолидации сил, исходящих в первую очередь от Горького, у которого все его выступления на этот счет выдают страстную мечту о писательском коллективе, о «литературном цехе», соединяющем сотни талантов в единое целое, в качественно новую могучую силу, способную решать любые задачи.

Вспомогая в материалах Первого съезда советских писателей, невольно проникаешься замечательными настроениями того общего, что звучит и в сильных, как удары молота, речах Горького и в разных по мысли и формам их выражения выступлениях десятков писателей. Это общее — желание решать задачи нашей великой литературы всем вместе, стремление к коллективизму, к разумному объединению всех усилий. Такова была реакция большинства литераторов на ликвидацию партий оточерствшего всем РАША, стремившегося разобщить писателей на группы и группочки, навесить каждому соответствующий ярлык. Литераторы с энтузиазмом и единодушным восторгом признали в объединении и консолидации сил, исходящих в первую очередь от Горького, у которого все его выступления на этот счет выдают страстную мечту о писательском коллективе, о «литературном цехе», соединяющем сотни талантов в единое целое, в качественно новую могучую силу, способную решать любые задачи.

Вспомогая в материалах Первого съезда советских писателей, невольно проникаешься замечательными настроениями того общего, что звучит и в сильных, как удары молота, речах Горького и в разных по мысли и формам их выражения выступлениях десятков писателей. Это общее — желание решать задачи нашей великой литературы всем вместе, стремление к коллективизму, к разумному объединению всех усилий. Такова была реакция большинства литераторов на ликвидацию партий оточерствшего всем РАША, стремившегося разобщить писателей на группы и группочки, навесить каждому соответствующий ярлык. Литераторы с энтузиазмом и единодушным восторгом признали в объединении и консолидации сил, исходящих в первую очередь от Горького, у которого все его выступления на этот счет выдают страстную мечту о писательском коллективе, о «литературном цехе», соединяющем сотни талантов в единое целое, в качественно новую могучую силу, способную решать любые задачи.

Вспомогая в материалах Первого съезда советских писателей, невольно проникаешься замечательными настроениями того общего, что звучит и в сильных, как удары молота, речах Горького и в разных по мысли и формам их выражения выступлениях десятков писателей. Это общее — желание решать задачи нашей великой литературы всем вместе, стремление к коллективизму, к разумному объединению всех усилий. Такова была реакция большинства литераторов на ликвидацию партий оточерствшего всем РАША, стремившегося разобщить писателей на группы и группочки, навесить каждому соответствующий ярлык. Литераторы с энтузиазмом и единодушным восторгом признали в объединении и консолидации сил, исходящих в первую очередь от Горького, у которого все его выступления на этот счет выдают страстную мечту о писательском коллективе, о «литературном цехе», соединяющем сотни талантов в единое целое, в качественно новую могучую силу, способную решать любые задачи.

Вспомогая в материалах Первого съезда советских писателей, невольно проникаешься замечательными настроениями того общего, что звучит и в сильных, как удары молота, речах Горького и в разных по мысли и формам их выражения выступлениях десятков писателей. Это общее — желание решать задачи нашей великой литературы всем вместе, стремление к коллективизму, к разумному объединению всех усилий. Такова была реакция большинства литераторов на ликвидацию партий оточерствшего всем РАША, стремившегося разобщить писателей на группы и группочки, навесить каждому соответствующий ярлык. Литераторы с энтузиазмом и единодушным восторгом признали в объединении и консолидации сил, исходящих в первую очередь от Горького, у которого все его выступления на этот счет выдают страстную мечту о писательском коллективе, о «литературном цехе», соединяющем сотни талантов в единое целое, в качественно новую могучую силу, способную решать любые задачи.

Вспомогая в материалах Первого съезда советских писателей, невольно проникаешься замечательными настроениями того общего, что звучит и в сильных, как удары молота, речах Горького и в разных по мысли и формам их выражения выступлениях десятков писателей. Это общее — желание решать задачи нашей великой литературы всем вместе, стремление к коллективизму, к разумному объединению всех усилий. Такова была реакция большинства литераторов на ликвидацию партий оточерствшего всем РАША, стремившегося разобщить писателей на группы и группочки, навесить каждому соответствующий ярлык. Литераторы с энтузиазмом и единодушным восторгом признали в объединении и консолидации сил, исходящих в первую очередь от Горького, у которого все его выступления на этот счет выдают страстную мечту о писательском коллективе, о «литературном цехе», соединяющем сотни талантов в единое целое, в качественно новую могучую силу, способную решать любые задачи.

Вспомогая в материалах Первого съезда советских писателей, невольно проникаешься замечательными настроениями того общего, что звучит и в сильных, как удары молота, речах Горького и в разных по мысли и формам их выражения выступлениях десятков писателей. Это общее — желание решать задачи нашей великой литературы всем вместе, стремление к коллективизму, к разумному объединению всех усилий. Такова была реакция большинства литераторов на ликвидацию партий оточерствшего всем РАША, стремившегося разобщить писателей на группы и группочки, навесить каждому соответствующий ярлык. Литераторы с энтузиазмом и единодушным восторгом признали в объединении и консолидации сил, исходящих в первую очередь от Горького, у которого все его выступления на этот счет выдают страстную мечту о писательском коллективе, о «литературном цехе», соединяющем сотни талантов в единое целое, в качественно новую могучую силу, способную решать любые задачи.

Вспомогая в материалах Первого съезда советских писателей, невольно проникаешься замечательными настроениями того общего, что звучит и в сильных, как удары молота, речах Горького и в разных по мысли и формам их выражения выступлениях десятков писателей. Это общее — желание решать задачи нашей великой литературы всем вместе, стремление к коллективизму, к разумному объединению всех усилий. Такова была реакция большинства литераторов на ликвидацию партий оточерствшего всем РАША, стремившегося разобщить писателей на группы и группочки, навесить каждому соответствующий ярлык. Литераторы с энтузиазмом и единодушным восторгом признали в объединении и консолидации сил, исходящих в первую очередь от Горького, у которого все его выступления на этот счет выдают страстную мечту о писательском коллективе, о «литературном цехе», соединяющем сотни талантов в единое целое, в качественно новую могучую силу, способную решать любые задачи.

Вспомогая в материалах Первого съезда советских писателей, невольно проникаешься замечательными настроениями того общего, что звучит и в сильных, как удары молота, речах Горького и в разных по мысли и формам их выражения выступлениях десятков писателей. Это общее — желание решать задачи нашей великой литературы всем вместе, стремление к коллективизму, к разумному объединению всех усилий. Такова была реакция большинства литераторов на ликвидацию партий оточерствшего всем РАША, стремившегося разобщить писателей на группы и группочки, навесить каждому соответствующий ярлык. Литераторы с энтузиазмом и единодушным восторгом признали в объединении и консолидации сил, исходящих в первую очередь от Горького, у которого все его выступления на этот счет выдают страстную мечту о писательском коллективе, о «литературном цехе», соединяющем сотни талантов в единое целое, в качественно новую могучую силу, способную решать любые задачи.

Вспомогая в материалах Первого съезда советских писателей, невольно проникаешься замечательными настроениями того общего, что звучит и в сильных, как удары молота, речах Горького и в разных по мысли и формам их выражения выступлениях десятков писателей. Это общее — желание решать задачи нашей великой литературы всем вместе, стремление к коллективизму, к разумному объединению всех усилий. Такова была реакция большинства литераторов на ликвидацию партий оточерствшего всем РАША, стремившегося разобщить писателей на группы и группочки, навесить каждому соответствующий ярлык. Литераторы с энтузиазмом и единодушным восторгом признали в объединении и консолидации сил, исходящих в первую очередь от Горького, у которого все его выступления на этот счет выдают страстную мечту о писательском коллективе, о «литературном цехе», соединяющем сотни талантов в единое целое, в качественно новую могучую силу, способную решать любые задачи.

недостаток проникнутого стремлением решать задачи коллективно продуманного разговора о «литературном цехе», о нашем горьковском Союзе писателей.

Мы хотим здесь поговорить именно о писательском цехе, так как считаем справедливым то, что выступления литераторов на эту тему в печати полны только категорического осуждения и свидетельствуют больше всего о нежелании разобраться в сложном хозяйстве своего цеха поглубже и новизнамнее. Это тем более необходимо, что при устном обмене мнениями в литературных кулуарах рассуждения о цехе и о цехе просто подчас поражают равнодушием или, наоборот, резким раздражением: «Я ничего не жду от цехов, нолюбам и разобдеям», «Союз себя назван, никому он не нужен».

Знакомые слова и знакомые настроения! Это они вызвали справедливый гнев еще у Горького: «До съезда и в начале его некоторые и даже, кажется, многие литераторы не понимали смысла организации съезда. «Зачем он?» — спрашивали эти люди. — Поговорим, разобдеям, и все останется таким, как было». Это очень странные люди, и на съезде их справедливо назвали равнодушными...» И еще: «Если писатели психологически изолируются так же, как физически изолируются «друг от друга» барски и осмыленно, — это, разумеется, не будет способствовать росту сознания литераторами смысла их работы и сознания коллективной ответственности их пред страной».

Превосходный ответ, лучше не скажешь! Может быть, сейчас и не стоило бы обращать внимание на брожение людей, а еще тогда больше — при встречах в Союзе писателей, все чаще и чаще возникает вопрос: а чего мы ждем от Второго съезда, в чем его пафос?

Чего же, на наш взгляд, недостает в предсъездных выступлениях? Пусть будут жаркие споры на многие и многие творческие темы. Но должно быть и то, чего сейчас недостает в наших предсъездных дискуссиях. А недостает в них, во-первых, пафоса утверждения

ФИЛЬМ О ХОЗЯЕВАХ ЖИЗНИ

В фильмах о нашей действительности, выпущенных в последние годы, нам нередко показывали конфликты, которые не затрагивали душу и сердце героев, легко разрешались в риторических словесных спорах; духовный мир человека оставался не раскрытым зрителю.

Это было тем более обидно, что не использовались богатства, накопленные советским киноискусством, не развивались его замечательные достижения.

Высокий гуманизм, беспредельное доверие и уважение к человеку, гордое сознание его силы еще два десятилетия назад определяли пафос выдающихся произведений советской кинематографии и дали ей право называться передовой кинематографией мира.

Чем завсеголиши признание народа такие образцы нашего киноискусства, как, скажем, «Чапая», трилогия о Максиме, «Депутат Балтики», «Великий гражданин», «Член правительства»? Прежде всего личность героя, показанная глубоко, ярко, всемерно, личностно, за которой стояли миллионы простых людей, но которая не потеряла от этого неповторимой индивидуальности своего характера. Через жизнь этих героев мы узнавали, что такое мужество и отвага, свобода, счастье, любовь, что такое ум и сердце большевика, строителя коммунистического будущего.

И когда сегодня мы радуемся образцам реалистического искусства прогрессивной итальянской кинематографии, киноискусства стран народной демократии, — мы радуемся и тому, что видим в них влияние нашего кино, претворение многих его черт.

Отмечая появление на экране нового художественного фильма «Большая семья», надо говорить о принципиальном значении этой картины, ибо и в ней сложные жизненные процессы раскрыты через правдивые характеры людей.

Фильм «Большая семья» создан по роману В. Кочетова «Журбин». Естественно, что авторы сценария В. Кочетов и С. Кара и режиссер И. Хейфиц отказались от некоторых действующих лиц книги. И все же «Большая семья» — это фильм о многих героях, в нем переплетаются различные судьбы. Судьбы людей и составляют содержание событий картины. Мы активно включаемся в эти события, обдумывая вместе с героями вопросы их жизни.

А жизнь большой семьи Журбиных, как всякая жизнь, проста и сложна, в ней есть свои особенности, свои трудности. И не сразу поймешь, как поступит Илья Журбин, когда новые условия производства потребуют от него не только богатого практического опыта, но и научных знаний. И путь, который пройдет чувствующая себя в семье Журбиных «жидачкой» Лидя, тоже не предугадать.

«Большая семья» — фильм о рабочем человеке, о представителях великой рабочей гвардии. И нельзя будет переоценить значение «Большой семьи», если мы вспомним, как мало у нас было настоящих крупных фильмов о рабочем классе.

Почему же в решении этой кардинальной темы нашего искусства кинематография терпела неудачи? Думается, прежде всего потому, что существовал неверный подход к изображению тех процессов, которые происходят внутри трудового общества, в рабочей среде. Верно утверждая, что труд, производство определяют жизнь, характер рабочего, некоторые деятели кино показывали на экране только труд, только производство, превращая человека-творца в безликий и пассивный прилавок к домам, шахтам, цехам заводов и т. д. Герой таких фильмов был занят исключительно техническо-производственными проблемами, ими ограничивался мир его интересов и мыслей, они не открывали, а закрывали человеческую душу.

Да, труд — главное дело советского

человека. По с ним неразрывно связаны все другие стороны его бытия, и именно в органическом слитии трудовых и личных взаимоотношений людей формируется человеческая личность.

Поэтому странно выглядят рассуждения некоторых критиков, которые считают, будто существует серьезная творческая проблема: что делать главным, на чем в первую очередь акцентировать внимание — на разработке характеров героев, показе их личной жизни или на производственных моментах, на строительстве кораблей.

Думается, успех фильма «Большая семья» как раз и обусловил то, что перед его авторами не стояла, да и не могла стоять подобная «творческая проблема». Художники создавали картину о людях, строящих корабли, и естественно, что важный производственный момент мог стать серьезным моментом личной жизни героев, с новой стороны раскрыть их характеры.

Путаные рассуждения о «производственном», «общественном» и «личном» в известной мере связаны с практикой нашего искусства. В ответ на критику «производственных» сценариев, фильмов, пьес, на призыв изображать людей многосторонне, показывать их не только на производстве, но и в быту, иные авторы ударившись в противоположную крайность, замыкнув мир своих героев кругом узко личных интересов.

Ценность «Большой семьи» заключается и в том, что здесь нераздельно, крепко спаяны общественное и личное, между ними нет резкой грани, они слиты в цельное человеческое существо.

Вспомните, как приходит первый раз дед Матвей (С. Лукьянов) — старший из рода Журбиных — к директору завода, на котором он проработал всю свою жизнь. Входит тяжелыми шагами в кабинет, настроенно присаживается на стул — чувствует: трудный, непосильно трудный предстоит для него разговор. Решительно проносит: «На пенсию я не пойду!». И вдруг дрогнувшим, прерывающимся голосом, с такой болью, с такой тоской, что зашевелило, заняло сердце, говорит: «Мне без завода, Ванюшка, без работы, во», — и проводит рукой по горлу.

Что это? «Проявление общественного лица» Матвея Журбина? Но почему тогда мы воспринимаем эту сцену, как глубоко личную трагедию Матвея Дорощевича? Да потому, что для него производственные, трудовые дела — это и дела личные, затрагивающие самые тонкие струны его души.

Труд для Журбиных — смысл их жизни, источник высокой гордости за свою великую миссию на земле. Недаром блестящий урок Алексею, забывшему, что «рабочая слава, она не на голом месте растет, ее не в одиночку, ее сообща выращивают», напоминает сыну: «Рабочий класс, он, брат, особенный, на нем ответственность всякая...».

В образе Матвея киноотражены судьба русского рабочего класса за полвека, его славы трудовые и революционные традиции. Мы видим, как воспитываются в духе этих традиций новые поколения, ясно ощущая нравственную красоту русского рабочего. И в таких смелких, бытовых деталях, как образцовый порядок в доме Журбиных, и в активном взаимодействии героев к чистоте человеческих взаимоотношений находят выражение высокие моральные устои рабочей среды.

Разные и по-человечески понятные чувства борются в Алексее (А. Батазов): и оскорбленное самолюбие, и робость перед людскими толками, и, наконец, боль, что его любовь Катюша примет за жалость к ней... Большое испытание души! Но цельная натура Алексея выходит победителем из этой борьбы. Вот пример истинного

ривование своего союза, его повседневной работы. Такая, столь непонятная и странная для крупного писателя позиция прежде всего, мы уверены, не прошла бесследно для него самого. Как бы ни был велик талант писателя, — и ему нужны друзья и умный совет товарищей.

За многие годы только два раза мы услышали голос Шолохова по делам литераторов: первый раз, несколько лет назад, в связи с высочайшей из пальца «проблемой» псевдонимов, и на съезде в Казахстане, где он произнес трезвую фразу о беркуте, обучающем своих птенцов первому полету. Уж не говорим о том, что хорошо бы М. А. Шолохов подтвердил эту прекрасную фразу практической заботой о молодых писателях, — мы вспоминаем, видимо, не вполне понимаем, какими плохим примером для молодых литераторов является его пренебрежительное отношение к горьковской идее и практике союза.

В писательской среде говорят обычно о союзе, о его недостатках и оговорках, в скобках, между прочим: «Несомненно, и в вопросе организационных, хотя они и не самые главные». О руководителях союза вошли в привычку писать и говорить, что они увлекаются вопросами организационными в ущерб творческим, поэтому и у самих руководителей ССН сложилась ложная базис упреков в увлечении организационными вопросами. А без союза, корень его ошибок и недостатков в том, что долгие годы руководители союза и сотни писателей — членов союза недооценивали важности организационной стороны дела. Спрашивается, как можно руководить сложнейшим процессом развития литературы, не обеспечивая как следует организационную базу? Между тем для союза характерны организационная путаница и отсутствие элементарной системы.

Вряд ли справедливо называть руководителей союза бюрократами, как это нередко и легко делают товарищи литераторы. Писатели, работающие в союзе, как правило, люди, достойные уважения за свою общественную добросовестность. Они страдают другим недостатком: неверием, что работу союза можно как-то перестроить. Приходилось не раз выслушивать такую, не очень-то совместимую с самой функцией руководителя, точку зрения: «Все уже было, пытались перестраивать, — ничего не вышло» — из-за этого неверия, а может быть, и просто из-за неумения литераторов, стоящие у руководства союза, и не пытаются по-серьезному организовать общественные силы писателей, и все делают сами, собой затывая бесконечные дыры. Отсюда беспорядок, какой-то штурмовой стиль всей действитель-

Кадр из фильма

благоговения, воспитывающий в зрителях гуманные, высокоморальные чувства.

Фильм потому с такой убедительностью учит, воспитывает, раскрывает черты того идеала, который мы носим в своем сердце, что авторы его не любят героями, а испытывают любовь и безграничное уважение к ним.

Правда жизни — и в больших, общих ее проявлениях и в частных подробностях житейского бытия — вот что было мерилом работы творческого коллектива и постановщика фильма И. Хейфица.

Живые, яркие образы дат сценария. Но режиссер дополнил и углубил их, стремился к предельной психологической точности характеров, превосходно используя образный язык кинематографа. Можно специально анализировать кинематографическую выразительность фильма. Но достаточно припомнить, как уходит со ступеней Басманов, сгорбившись, втянув голову в плечи, а ветер, словно протестуя против его поступка, треплет полы короткого плаща старика, и тяжелые свинцовые тучи как бы давят его к земле; как любовно и бережно прикасается рука деду Матвея к бронзовой скульптуре воинов-матросов, воспринявшей его славное прошлое, — чтобы оценить мастерство художника и от души порадоваться тому, что киноискусство снова обрело необходимые способности.

Фильм богат актерскими удачами. Это в первую очередь великолепная, глубокая работа С. Лукьянова (Матвей Журбин), безусловно правдивая игра И. Сергеева (Басманов), удивительно точное и тонкое исполнение молодой артистки Е. Добронравовой (Катя), вдумчивая, тактичная игра А. Батазова (Алексей). Воплощая характер потомственного рабочего, Борис Андреев (Илья Журбин) старается преодолеть некоторую стандартность своих прежних образов, однако актер порой упрямится Журбина: не всегда мы чувствуем в Паше силу живого ума, рожденную жизненным опытом мудрости.

Было бы неверно считать, что «Большая семья» — произведение безупречное, без каких-либо недостатков. Несмотря на обилие индивидуальностей, в нем оказались и герои, лишние характера, например, Антон Журбин. Порой авторы тут же снимают возникшие конфликты, как это произошло в истории с зазнавшимся стажером Алексеем.

Однако важно осмыслить и поддержать достоинства картины, продолжая традиции нашей кинематографии.

Фильм заканчивается торжественным спуском на воду нового корабля. Но это не «обязательный апофеоз», не холостой парад «поп занавеса», а глубоко эмоциональный, художественно осмысленный эпизод, закономерный итог киноповести. Мы видим наглядные плоды творческого труда рабочего класса, глубоко ощущаем красоту и величие повседневных дел хозяина своей жизни.

Н. ИГНАТЬЕВА

ДИСКУССИЯ О ПОЛОЖИТЕЛЬНОМ ГЕРОЕ

Недавно в Ленинградском Доме писателя имени В. В. Маяковского состоялась дискуссия о положительном герое советской литературы. Вступительное слово сделала главный редактор журнала «Звезда» В. Дружин.

— Советская литература руководствуется принципом партийности, — сказал он, — и каждый писатель, создавая художественные образы, проявляет свое партийное отношение к жизни. Подлинный, уважаемый положительный герой обладает ярко выраженными индивидуальными особенностями и в то же время является типичным обобщенным образом. Я думаю, — продолжал докладчик, — что к изучению положительных героев надо подходить конкретно исторически, понимая, почему на том или ином этапе развития советского общества появлялись те, а не иные литературные образы.

— Положительными героями нашего времени, — сказал далее В. Дружин, — должны быть рядовые советские люди, которые интересны не своим особым положением, парижским или лондонским, а богатством душевного строя, мыслей и чувств.

Много внимания в докладе было уделено проблеме конфликта, образу положительного героя в поэзии, так называемому «производственному роману».

В оживленном споре приняли участие прозаики, поэты, критики.

Положительный образ служит пробным камнем, на котором выявляются политические взгляды, мировоззрение писателя, его эстетический идеал. Вот почему проблема положительного героя всегда была и остается проблемой политической. Это положение В. Дружина подтвердили В. Кочетов, Б. Мейлах и другие.

— В произведении обязательно должен быть выражен определенный эстетический идеал писателя, — сказал, в частности, Б. Мейлах, — если понимать этот эстетический идеал, как художественно творческий политический идеал. В произведениях могут быть различные задания, различны принципы типизации, но положительный идеал должен быть четким.

Б. Платонов напомнил, что изображение передового человека в истории нашей литературы шло по двум линиям. Для положительного героя в реалистической литературе главное — коммунистическая целеустремленность, знание пути к заветной цели, уверенность в победе. Представители меншистской литературы пытались героизировать обывателя, уйти от решения важных задач. Рецидивы подобного подхода встречаются и в наши дни. Выступая критиком роман В. Пановой «Времена года», где нет ни больших героев, ни больших дел, а есть только бытовое отношение.

Анализируя образы литературных произведений, участники дискуссии старались выявить ведущие черты положительного героя. Могучее влияние образов Спартака, Овлада, Рахметова объясняется, как говорил Д. Гранин, революционностью их идей и поступков, активностью в достижении цели. Этими качествами должны обладать и герои советской литературы.

О качествах, которые оказывают герои наших книг на советских юношей и девушек, говорил читатель, участник освоения целинных земель А. Ежелев. У комсомольцев, осваивающих целинные и залежные земли, большим успехом пользуется роман В. Кетлинской «Мужество». Эта книга помогает им в тяжелую минуту, вдохновляет на трудовые подвиги. Нужны такие книги, где был бы показан рост, становление героя, сказал А. Ежелев. Ведь героями не рождаются, а становятся.

Книга «Рядовой Александр Матросов» П. Журбы пользуется особой популярностью в Китае. Об этом рассказал в своем выступлении В. Саянов. Национальный

герой Китая Хуан Пан-гуан, сражаясь в Корее против американских захватчиков, повторил подвиг Матросова. Под гимнастеркой у него была найдена простреленная пулей пуговицей ошейника книга «Рядовой Александр Матросов».

Верность правде жизни, коммунистическая идейность — главные условия создания образа положительного героя. Однако он может быть убедительно раскрыт в искусстве только как характер, в действии, во внутреннем развитии, в своей духовной жизни, душевных болеваниях.

Характер, личность, натура — то, без чего немалым никаким положительным героем, а это как раз и забывают любители легких схем. Об этом убедительно говорили В. Орлов, Г. Макогоненко и другие.

Проблема положительного героя неотделима от вопроса о воспитательной роли литературы, которую недаром называют учебником жизни. Но большое и сложное воздействие на человека художественного слова нельзя сводить к прямой диалектике.

— Воспитательная сила художественного примера, образа героя, которому читатель хочет подражать, — сказал Б. Чирсков, — это одно из главнейших воспитательных средств литературы. Есть книги замечательные, имеющие завидную судьбу, увлекающие миллионными массами своих героев: «Что делать?», «Овод», «Как закалялась сталь?».

Но такие книги не являются каждый день. Созданию их предшествует длительная работа всей литературы, в разнообразных формах накапливающей материал для обобщения. И нельзя заранее составить рецепт, каким будет обобщенный герой своего времени. Литература — одна из форм познания жизни, исследования ее. Образ типического героя — всегда открытие, а это открытие нельзя вызвать искусственно составленными схемами. Схемы идеального героя заслужают от писателя жизни, убивает в нем пафос исследователя.

— Литература наша богата, и не надо это богатство искусственно ограничивать, — сказал В. Орлов. — Не только образы исключительных, выдающихся людей рисуют советские писатели. Наша литература создала галерею рядовых участников того всемирно-исторического дела, которое вершит советский народ. Это Ленинский и Фадеев, Давыдов и Шолохов, Глеб Чумалов и Глушкова, Теркин и Твардовского, Травкин и Казакевича и множество других. Обращаясь к наследиям русских писателей-классиков, выступающий отмечает, что, например, Максим Максимыч из лермонтовского романа «Герой нашего времени» или капитан Тушин у Л. Толстого — это люди, не стоящие над другими. Но в них ярко и сильно запечатлелись черты национального характера, поэзия душевного, нравственного подвига.

О неяривающихся траектории положительного героя, как человека, стоящего над другими людьми, говорили В. Чирсков, Б. Мейлах и другие.

— За требованием «идеального героя», — сказал Г. Макогоненко, — часто скрывается нежелание видеть в литературе простых людей, непонимание массовости героизма. Герой при этом отрывается от народа, что противоречит всему духу нашего общества, нашей жизни.

Одним из важнейших противоядий против схематизма в изображении положительного героя является принцип историзма. Этому посвятил свое выступление Б. Назумов. Он привел замечательные слова Фурманова: «Чапаевы были только в те дни — в другие дни Чапаевых не бывает и не может быть: его рождя та масса, в тот момент и в том состоянии». Таким историческим пониманием должен обладать каждый писатель, а для этого он дол-

жен хорошо знать жизнь, следить за происходящими в ней изменениями, называя своими отголосками на людей. Фадеев в «Молодой гвардии», например, нарисовал замечательные образы молодых советских патриотов, героев наших дней. Молодогвардейцы — это те же корчагинцы, но А. Фадеев не повторил И. Островского, а сумел сказать что-то дополнительное сравнительно с тем, что мог в 30-е годы сказать Островский, сумел отыскать черты, которыми обогатилась советская молодежь за это время.

Только в борьбе, в столкновениях проявляются лучшие черты характера положительного героя. Не удивительно, что в ходе дискуссии много внимания было уделено проблеме конфликта, объективизма, которые способствуют проявлению героизма.

— Задача художника — найти эти объективизма, — сказал Д. Гранин. — В романе Б. Пастернака «Золото» машинистка и кассир переносит золото через линию фронта. Машинистка — вздорная, легкомысленная женщина, кассир — тоже человек далеко не идеальный. Однако в конкретных обстоятельствах оба проявляют замечательные, поистине героические качества. В повести Тарквер «Дербент» Пастернак — человек, трудный в общении, попал в соответствующую обстановку, становится героем.

В обстановке острой борьбы, продолжает Д. Гранин, конфликт выражен резко, отчетливо. Сложнее выявить наиболее важные жизненные противоречия в мирной обстановке, в условиях трудовых будней. В этой связи приобретает особенно большой интерес вопрос о методах познания действительности, об активном знании писателем определенной области жизни.

Писатели и критики XIX века требовали показа во всем рост трудностей, которые преодолевал герой, — говорил В. Бурсов. — У нас же нередко бывает так: падая героя силой и мужеством, автор выставляет против него слишком слабых противников. В таком случае герой не может проявить своих подлинных качеств, терять свою масштабность. В романах же В. Кетлинской и Д. Гранина острейшие конфликты помогают раскрытию характеров. Отсюда убедительность образов героев романов. Недостатком многих произведений В. Бурсова считает стойко-благополучный концепт.

Участники дискуссии указывали на ошибки, допущенные отдельными литераторами, которые в погоне за «кострыми» конфликтами намеренно сгущали краски, искажали нашу действительность. Так возник ряд произведений, справедливо осужденных советской общественностью. Между тем в нашем обществе есть много острых жизненных конфликтов, ибо идет непрерывная борьба порога со старым, прогрессивным с консервативным.

Большое место на дискуссии занял вопрос о поэзии, о том, как создается поэт в лирических стихах образ современника. По этому вопросу высказались В. Назаренко и спорили с ним В. Азаров, В. Орлов, Б. Мейлах, Г. Макогоненко.

В дискуссии приняли участие также М. Жестев, Г. Матвеев, И. Журба, А. Дымин, Ж. Газинер, Д. Молдавский, П. Косаковский, Ю. Бонстантинов, Л. Плоткин, Г. Луканов, В. Тимофеева, Б. Рюриков. Взаимный обмен мнениями, несомненно, принес пользу и писателям и критикам.

Острые критики были направлены против схематизма, против искусственно сконструированных, абстрактно-идеальных героев, против антиреалистических, натуралистических тенденций в литературе. Однако дискуссия могла быть еще более плодотворной, если бы ее участниками больше обращались к живой практике советской литературы, к своему собственному опыту.

становить только для тебя? А разве не для дела всей литературы? Ведь Горький-то говорил другое: «...какие цели ставит перед собой будущий союз? Если только цели профессионального благоустройства работников литературы, тогда едва ли следовало породить столь грандиозный огор...» Союз должен поставить целью своей не только профессиональные интересы литераторов, но интересы литературы в целом». Неправильность тезиса — союз для меня — становится очевидной, если попробовали сформулировать такой вопрос для рабочего, стоящего у станка: завод лишь для меня, а не для всего народа, создающего коммунизм. Между прочим этот вопрос — нужен или не нужен союз литератору-сверхчеловеку — жизнь иногда решает просто. Члены президиума ССН были немало весьма удивлены метафорой, пропущенной с одним из писателей, который долгие годы считал, что союз существует для него, и сам, будучи антиобщественником, ничего для союза, для общего дела не давал. Казаховский, ну, зачем такому писателю союз, он ему, действительно, не нужен! Но, когда за все время не красивые поступки этого писателя исключались из союза, — он умолял оставить его, ибо вдруг почувствовал, что без союза ему будет худо.

Пора, давно пора по-серьезному поставить вопрос об обязанности литераторов-профессионалов, членов союза, перед своей писательской организацией, об обязанности каждого не только как личности, создающей произведения, но и как члена коллектива, озабоченного процессом социализации всей литературы. Неправильно, что обязанности члена союза не записаны в уставе ССН СССР. Изменить это нужно столько же для всей литературы, сколько и для развития каждого писателя.

У нас говорят: писатель должен писать, всякие общественные дела только отвлекают его от работы над рукописью. Это верно лишь в какой-то мере. Общественные обязанности писателя писателю в его непосредственной работе тогда, когда общественная работа плохо организована или самими и органами Союза писателей. Это безусловно может быть налажено общими усилиями. Труднее сделать другое — предостеречь трунь писателя от своей среды. Это часть вопроса об отрыве писателя от жизни. В Советской стране человек просто не может, без вреда для себя и для своей квалификации, существовать вне своей профессиональной трудовой среды. Это правило сохраняет свою силу и для писателя, вынужденного по специфике своего труда часто уединяться для работы за письменным столом. Мы убеждены, что, например, ошибкой М. А. Шолохова является его многолетнее подержанное игно-

рование своего союза, его повседневной работы. Такая, столь непонятная и странная для крупного писателя позиция прежде всего, мы уверены, не прошла бесследно для него самого. Как бы ни был велик талант писателя, — и ему нужны друзья и умный совет товарищей.

За многие годы только два раза мы услышали голос Шолохова по делам литераторов: первый раз, несколько лет назад, в связи с высочайшей из пальца «проблемой» псевдонимов, и на съезде в Казахстане, где он произнес трезвую фразу о беркуте, обучающем своих птенцов первому полету. Уж не говорим о том, что хорошо бы М. А. Шолохов подтвердил эту прекрасную фразу практической заботой о молодых писателях, — мы вспоминаем, видимо, не вполне понимаем, какими плохим примером для молодых литераторов является его пренебрежительное отношение к горьковской идее и практике союза.

В писательской среде говорят обычно о союзе, о его недостатках и оговорках, в скобках, между прочим: «Несомненно, и в вопросе организационных, хотя они и не самые главные». О руководителях союза вошли в привычку писать и говорить, что они увлекаются вопросами организационными в ущерб творческим, поэтому и у самих руководителей ССН сложилась ложная базис упреков в увлечении организационными вопросами. А без союза, корень его ошибок и недостатков в том, что долгие годы руководители союза и сотни писателей — членов союза недооценивали важности организационной стороны дела. Спрашивается, как можно руководить сложнейшим процессом развития литературы, не обеспечивая как следует организационную базу? Между тем для союза характерны организационная путаница и отсутствие элементарной системы.

Вряд ли справедливо называть руководителей союза бюрократами, как это нередко и легко делают товарищи литераторы. Писатели, работающие в союзе, как правило, люди, достойные уважения за свою общественную добросовестность. Они страдают другим недостатком: неверием, что работу союза можно как-то перестроить. Приходилось не раз выслушивать такую, не очень-то совместимую с самой функцией руководителя, точку зрения: «Все уже было, пытались перестраивать, — ничего не вышло» — из-за этого неверия, а может быть, и просто из-за неумения литераторов, стоящие у руководства союза, и не пытаются по-серьезному организовать общественные силы писателей, и все делают сами, собой затывая бесконечные дыры. Отсюда беспорядок, какой-то штурмовой стиль всей действитель-

(комиссия по работе с молодыми писателями и по приему в союз), в четвертом случае — по признаку выделения целой отрасли литературы (комиссия по детской литературе). Тут много представляется неоправданным и непонятным: если есть всевозможные комиссии по драматургии и критике, то почему нет комиссии по прозе и поэзии? Комиссия по литературе народов СССР лишена организационной определенности — это громадный мекен, в который захлестнуло все литературы, кроме русской, и не случайно ее деятельность носит наиболее общий характер участия в разном рода областях и устройствах декад. Раздельное существование комиссии по работе с начинающими и комиссии по приему в союз вряд ли целесообразно: ведь итером работы комиссии начинающих с тем или иным автором является прием этого автора в союз.

Мы убеждены, что структуру управления можно перестроить с большой пользой для дела, если, во-первых, вовсе ликвидировать жанровые комиссии по драматургии, кинодраматургии и критике; во-вторых, разукрупнить комиссию по литературе народов СССР на несколько организационно более определенных и гибких комиссий, как, например, комиссия литераторов Прибалтики, Кавказа, Средней Азии и т. п.; в-третьих, усилить комиссию по русской литературе, обеспечить ей условия для работы по руководству печатными органами; в-четвертых, передать функции комиссии по приему в комиссию по работе с начинающими писателями, причем всей работе по подготовке литературной смены в правлении должно быть приложено первоочередное, но не главенствующее значение.

Но одна эта перестройка структуры еще не приведет к усилению деятельности управления. Надо, чтобы одновременно с перестройкой комиссий была несколько перестроена структура секретариата, который работает сейчас в отрыве от большинства комиссий. На XIV пленуме ССН СССР было правильно решено, что каждый секретарь правления возглавляет ту или иную комиссию и, таким образом, целиком несет ответственность за определенную часть работы союза, однако это не было доведено до конца, и в настоящее время только три комиссии возглавляются секретарями, тогда как остальные «попечители» между первым и вторым секретарями, у которых практически руки до комиссий не доходят.

Параллельно с этим, думается, необходимо также поставить работу главного руководителя органа управления — его президиума: он должен быть вплотную приближен к делу общественной писательской организации тем, что все до одного члена президиума обязаны нести ответственность за конкретные участки работы. Сейчас толь-

ко часть членом президиума возглавляет комиссию или печатные органы управления, большинство же членов президиума фактически не участвует в работе управления.

Несомненно, для повышения уровня деятельности руководящих органов союза нужно также, чтобы в правлении, наконец, был образован упрощенный технический аппарат. При этом условии писатели смогут нести ту или иную работу в правлении, не растягивая всю свою энергию на составление и канцелярскую переписку.

Думается, наиболее прорывной участок в деятельности управления — руководство теоретической работой, изучение и обобщение общелитературных процессов — может быть налажен, если к союзу будут вплотную приближены кадры критиков и литературоведов Института мировой литературы имени Горького, ныне совсем оторванного от Союза писателей. В будущем, как нам кажется, сектор советской литературы института необходимо вновь ввести в русло деятельности союза; это принесет обществу пользу как союзу, так и институту, весьма далекому теперь от живых процессов литературы.

Думается, организационные улучшения будут иметь смысл только в том случае, если в Союзе писателей изменится практика подбора и расстановки кадров. Пожалуй, нам нигде еще не приходилось видеть такого бесшабашного подхода к подбору кадров, как в Союзе советских писателей. Трудно найти другую организацию, где бы так плохо знали свои кадры и — как это ни странно! — мало их ценили.

Прежде всего подбору кадров мешает то, о чем мы говорили в начале статьи: отсутствие каких-то дисциплинарных устоев у литераторов, отсутствие у них обязанности перед союзом. Руководители правления вынуждены вести разговоры с десятком литераторов, прежде чем удастся уговорить одного из них взять на себя обязанности члена редколлегии журнала или председателя комиссии. В конце концов, поскольку место не может быть пустым, он занимает наше место не тот, кто больше ему соответствует, а тот, кто согласился его занять.

С другой стороны, вероятно и то, что подбирают на разные общественные должности преимущественно одних и тех же писателей, из числа наиболее именитых. Естественно, что в писательской организации руководящие должности занимают писатели; естественно также видеть на этих должностях литераторов с авторитетным именем. Но смысл в этом будет только тогда, когда видный писатель имеет в виду поручаемую работу. А что толку в само-

имени, если к нему не прикладываются желание и умение работать?

Во главе печатного органа, например, может долгие годы стоять литератор, явно не справляющийся со своими обязанностями; всем кругом видно, что он губит дело, все возмущается его неумением работать, однако, пока не произойдет какой-нибудь особо шумный скандал, с его работой будут мириться, ибо он... видный писатель. Пример другого рода, относящийся к Л. М. Леонову. Этот маститый писатель, к удивлению своих товарищей, принял в последний состав секретариата самую неответственную ему обязанность: руководить делами Литературного фонда, то есть делами материально-хозяйственного обслуживания писателей. Имя у писателя замечательное, по всем статьям он заслуживает всяческого уважения, но (пусть он простит нашу прямоту!) толку от него именно на этой хлопотливнейшей хозяйственной должности меньше всего. А почему не было сделано другого, само собой напрашивающегося выбора: поручить Л. М. Леонову в секретариате, как опытнейшему писателю старшего поколения, возглавить в союзе всю работу по воспитанию литературной смены.

Сколько мы видим в составе редколлегии журналов, в редколлегах, в комиссиях управления, в самом правлении пышных имен писателей, лишь украшающих общественные посты? Люди жилистые на них годами и годами ничего не делают, не приносят пользы своей организации и не несут перед ней никакой ответственности. Никто и не подумает спросить с них конкретного дела, так как и понаит-то эти люди на общественные посты за пишишь своих имен.

Нечего и говорить, как все это мешает выдвинуть и росту кадров, какую нелепую создает обстановку для работы, обстановку, при которой даже людям, любящим общественно-организационную работу, становится неинтересно ею заниматься.

Мы убеждены, что необходимость в серьезной перестройке Союза писателей действительно назрела. Больше того, если эту перестройку не осуществить, союз, с его неупорядоченной организационной стороной дела, может в дальнейшем усугубить трудности в решении огромных задач, стоящих перед нашей литературой. Этим вопросом, в числе других, обязан заняться след, причем уже сейчас, в предпоследний период, секретариату и президиуму следовало бы, по нашему мнению, говорить не только доклады по основным творческим проблемам, но и проект по организационному укреплению союза.

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА № 134 11 ноября 1954 г. 3

ЧТО ДУМАЮТ АНГЛИЧАНЕ О МИРНОМ СОСУЩЕСТВОВАНИИ

Официально обе крупные политические партии Англии — консервативная и лейбористская — исходят сейчас в своей политике из того положения, что мирное сосуществование капиталистических и социалистических стран вполне возможно. Черчилль несколько раз высказывался в этом смысле после своей известной речи в мае 1953 года, в которой он призывал к переговорам между главами правительств западных держав и Советского Союза. Эттли в публичных выступлениях тоже ратует за принцип сосуществования, а по возвращении из Китая заявляет, что, по его мнению, следует укреплять связи с народами СССР и КНР.

Это, конечно, большой шаг вперед. Вел известно, что в первые годы после войны и Черчилль и Эттли открыто считали, что в отношении социалистических стран следует проводить политику угрозы и запугивания. В речи в Фултон в марте 1946 года Черчилль призывал Англию и США объединиться в борьбе против Советского Союза, а несколько позже в «Младенце» (Уэльс) предлагал использовать атомную угрозу, чтобы заставить Россию «сдать» древние европейские столицы, что означало пойти на восстановление капитализма в Варшаве, Праге, Будапеште, Бухаресте, Софии. Эттли, бывший в то время премьер-министром, не только не опроверг Черчилля, но и сам выступил с выдвигая на сторонников мира и запрещения атомной бомбы.

Потому-то и можно считать большим достижением то, что в последние времена и Черчилль и Эттли (а значит, и возглавляемые ими партии) официально высказались за мирное разрешение международных проблем путем переговоров.

Какие же события повлияли на позицию этих государственных деятелей? Во-первых, им стало известно, что Англия и США уже не являются монополистами по производству атомной и водородной бомб; во-вторых, они не могут не считаться с тем, что все народы требуют мира. В первые годы после войны народ еще можно было обмануть. Сейчас его не обманешь. Ни один политический лидер, ни одна политическая партия не продержалась бы и дня, если бы стали открыто призывать к войне.

Однако, поддерживая на словах идею мирного сосуществования, лидеры обеих партий тем не менее предпринимают тактичные шаги, которые способны только усилить международную напряженность. Вместо того, чтобы использовать разрядку международной атмосферы после прекращения войны в Кореи и урегулирования в Индо-Китае для укрепления мира в Азии, правительство консерваторов подписывает пакт СЕАТО, цель которого — не мир и сосуществование народов Азии, а раздел Азии и войны. А лейбористские лидеры не принимают сколько-нибудь серьезных мер для борьбы с этой политикой.

Более того, лидеры обеих партий энергично ратуют за вооружение Западной Германии, что может лишь привести к расколу страны и помешать мирному сосуществованию народов Европы. Правые лидеры британских тед-юнионов, голосуя от имени многочисленных профсоюзных организаций, навязывают этот курс как Конгрессу тед-юнионов, так и конференциям лейбористской партии и не устают восхвалять «Международную конфедерацию свободных профсоюзов», созданную, по словам Артура Дикмана, «для борьбы с коммунизмом».

Дикман и прочие лидеры Конгресса британских тед-юнионов и американского Конгресса производственных профсоюзов вышли из Всемирной федерации профсоюзов, потому что ретили всеми силами препятствовать сосуществованию профессиональных союзников социалистических и капиталистических стран, а также потому, что считали раскол Всемирной федерации профсоюзов необходимой предпосылкой для развязывания холодной войны.

Знаменательно следующие. Ирвинг Брайан, представитель Американской федерации труда в Европе, сделавший все, что возможно сделать с помощью долларов, лабы расколоть профсоюзное движение во Франции и предотвратить объединение профсоюзов Восточной и Западной Германии, поместил недавно в американском журнале «Сосуществование» — это яд. А видный деятель лейбористской партии Герберт Моррисон, по приглашению этого же журнала, побывал с визитом в США.

Однако на простых людей Англии такие трюки не действуют. Правда, несеканная пропаганда в прессе, по радио и по телевидению может многим затуманить мозги, но в главных вопросах простого человека не собьешь с толку. Когда лидеры лейбористской партии организовали конференцию рядовых членов партии с целью добиться одобрения политики ремиляризации Западной Германии, они повсюду терпели провал. Движение в защиту мира получает поддержку на любом митинге, организованном под лозунгом дружбы со всеми народами Западной и Восточной Европы, включая вооружение Германии. Те же, кто стоит за вооружение Германии, не рискуют устраивать митинги.

За последние месяцы приезд в Англию деятелей советского искусства и отчеты делегаций, побывавших в СССР и странах народной демократии, открыли глаза миллионам англичан. Люди перестают верить лживой антисоветской пропаганде. Фильм, снятый делегацией Советского Союза, произвел колоссальное впечатление на миллионы зрителей. Когда он был выпущен на экран, мой парикмахер сказал мне: «Все, кто к нам ни заходит, только и говорят, что об этом фильме. Теперь ясно, как много нам дали о России».

Футбольное состязание в Москве и встречи между английскими клубами и советской футбольной командой в Лондоне наглядно убеждают рядового англичанина в возможности дружбы с СССР.

Газета «Обсервер», годами твердившая своим читателям об «ужасающих условиях в Советском Союзе», на днях состряпала очередную «страшную историю» о том, каким образом в СССР выростили столько хлеба, что его негде хранить! Однако читатель уже не принимает такие истории всерьез.

Никакая пропаганда не в силах внушить рядовому англичанину вражду к странам социализма. Зато он нередко проявляет враждебное отношение к Америке — не потому, что он по натуре антиамериканец, а потому, что ему многое не нравится в политике Соединенных Штатов. Он ненавидит маккартизм, ибо в английском народе глубоко укоренилась ненависть ко всякому мракобесию; он убежден, что США не могут нам предложить ничего, кроме угрозы войны; и ему не нравится, что на земле его родины расквартированы иностранные войска.

Деятели кинематографа могут рассказать вам о том, как пиритиса протест против американских фильмов, прославляющих сизмизм и половую извращенность, и растет спрос на французские, итальянские, советские, польские, чешские и китайские фильмы. Кампания за запрещение американских «бомбосков» охватила всю нашу страну.

В чем находят конкретное выражение протесты против политики холодной войны и требование мирного сосуществования? Пресса уделяет этой теме более

Гордон ШАФФЕР,
председатель исполкома Английского
комитета защиты мира

чем скромное место (хотя за последнее время требования о расширении торговли с социалистическими государствами можно было прочесть в газетах решительно всех направлений). Британская радиовещательная корпорация «Би-би-си» открыла доступ многим представителям прогрессивной Англии к радио и телепередачам. И все же голос общественности нечет, да и прозвучит в какой-нибудь программе. О всенародном характере новых настроений можно судить хотя бы по растущей поддержке движения в защиту мира, выразившейся, между прочим, и в том, сколько лейбористских, консервативных, профсоюзных, религиозных организаций и многих других групп нашего общества представлено на Британском конгрессе в защиту международной безопасности, состоявшемся в Лондоне 31 октября.

Отразились эти настроения и в резолюциях местных организаций лейбористской партии, присланных на конференцию партии в Скарборо. Все они в той или иной форме содержат требования добиваться дружбы и сосуществования между народами.

Ежемесячник Объединенного профсоюза работников деревообделочной промышленности (делегаты которого на конференции в Скарборо наперекор наказам рядовых членов союза высказались за вооружение Германии) регулярно печатает резолюции, принятые на собраниях местных отделений. Если эти резолюции касаются международных вопросов, в них, за очень редкими исключениями, выражено одобрение политике сосуществования.

Ознакомившись в общих чертах с положением в Лондоне, можно составить себе представление и о том, как идет борьба в других районах Англии. Лондонский совет тед-юнионов, созданный в 1860 году, два года назад был распущен Конгрессом британских тед-юнионов за отказ поддерживать официальную политику холодной войны и ремиляризации Германии. Созданный вместо него новый совет был по рукам и ногам связан обязательствами не включать в свой состав прогрессивных профсоюзных деятелей и не принимать никаких решений по международным вопросам. Таким образом, центральной профсоюзной организации в Лондоне заткнули рот.

Лондонская организация лейбористской партии организует конференции, в которых принимает участие много прогрессивных делегатов, но на этих конференциях не разрешено обсуждать вопросы высокой политики, — они тоже вынуждены молчать.

Лондонское кооперативное общество — политическая партия, насчитывающая 1 250 000 членов, не связана такими ограничениями, ее конференция состоится 20 и 21 ноября. В докладе ее исполнительного комитета (членом которого я имею честь состоять), в разделе о внешней политике, говорится:

«Самой насущной задачей нашего времени является создание условий для мирного сосуществования. За последний год это стало особенно очевидно в связи с более ясным представлением о разрушительной силе водородной бомбы и другого атомного оружия массового уничтожения. Мы твердо убеждены в том, что встреча между руководителями правительств великих держав способствовала бы ослаблению нынешней международной напряженности. Мы снова заявляем: мир во всем мире будет достигнут только в том случае, если

все правительства приложат серьезные усилия, чтобы путем переговоров достичь согласия по вопросам, вызывающим международные трения».

По вопросу о Германии в этом докладе сказано следующее: «Мы будем попрежнему выступать против вооружения как Западной, так и Восточной Германии и за соглашение между четырьмя великими державами о создании единой демократической Германии, которая не угрожала бы своим соседям».

Та же программа отражена в резолюциях, присланных нашими отделениями из всех районов Лондона. Они требуют немедленного созыва международной конференции, которая займется бы атомной и водородной бомбы и занялась бы общим сокращением вооружений. Настаивают на расширении торговли со странами социализма и призывают Китай в Организацию Объединенных Наций. Два отделения требуют вывода американских войск из нашей страны и выражают тревогу по поводу ремиляризации в Англию американского капитала. Четыре отделения и исполком уже высказались против вооружения Германии. В ряде резолюций имеется требование свободы для народов колоний.

Вот что получается, когда у рядовых людей есть возможность выразить свои подлинные взгляды. Они хотят мира и дружбы со всеми государствами. Они всегда выказывали понимание и сочувствие по отношению к народам, которые сбрасывают иго угнетения и тирании. Они хорошо помнят, что в 1920 году участвовали в борьбе за прекращение вооруженной интервенции против молодой Советской республики. Они никогда не пойдут за американскими покровителями Чан Кайши, которые кричат о вооруженной интервенции против Китайской республики. Они знают, что война не может принести ничего, кроме неисчислимых бедствий, не только миллионам людей в других странах, но и горлому маленькому острову, на котором они живут.

Но заявить о своих требованиях во весь голос им очень часто мешает мощная машина, регулирующая рабоче и профсоюзное движение. Она понемногу выбиратель из науки лжи, однако эта ложь, распространенная в прессе и по радио, все еще сильна. Простым людям Англии нужно еще многое узнать, чтобы в полную силу бороться за мирное сосуществование народов.

ЛОНДОН, ноябрь

«Нет, из Дании».— «Придет время, когда мы снова будем маршировать!» — «В следующий раз все надо сделать лучше. Пусть только постанет нас во главе»... С семи часов вечера до утра продолжалось фашистское ширство. За все, пишет «Трибуне дер арбейт», «платит великий друг — индустрия! На средства промышленных воротки и организовано это собрание. Так было до захвата Гитлером власти, так было в годы фашистской диктатуры, так и теперь».

Приняв корреспондента «Дейли уоркер» за своего британского соратника, генерал Штейнер разоткровенничался. Излагая разбойничью внешнеполитическую «программу», фашистский зуб старался убедить его в том, что эсэсовцы призваны возглавить новый вермахт, ибо «все другие мятосы». Один из эсэсовских офицеров, некий Юрген, показал английскому журналисту бумагу какого-то американского учреждения, в котором он работает, и сообщил, что ему предоставлен отпуск специально для участия в этом слете. «Американцы — наши друзья!» — без основания добавлял он. — Перелай об этом твоим товарищам в Англию»...

Руководитель ХНАГ Герфорд произнес речь, прямо заявив, что никто не в праве запрещать «Союзу любителей почтовых голубей» (так на сей раз эсэсовцы инициально себя маскировали) встретиться за кружкой пива. Никто не может им помешать «отдать почести» павшим товарищам.

Ползуясь попустительством полиции, эсэсовцы на следующее утро собрались на кладбище: проносились реваншистские речи, войска СС восхвалялись как первая европейская армия. Затем эсэсовские полковники отправились в «Бангофогель». И тут произошло то, чего они не ожидали.

Трудящиеся Изерлона, несмотря на сопротивление местных профсоюзных чиновников, устроили демонстрацию протеста против распула фашистского отребья. Коммунисты, социал-демократы, беспартий-

Трудящиеся Англии протестуют против планов ремиляризации Западной Германии. На снимке: шахтеры Йоркшира, участники демонстрации, организованной в городе Донкастере под лозунгом «Не дадим оружия в руки нацистам!». Реакционные профсоюзные лидеры хотели бы, чтобы миллионы рядовых членов английских профессиональных союзов забыли о Ковентри, Лидсе, Варшаве, и пусть лондонская газета «Дейли уоркер», поместившая эту фотографию, но шахтеры Йоркшира ничего не забыли.

На плакатах с которыми английские трудящиеся вышли на демонстрацию, написано: «Смеет ли мы забыть?»; «Профидеры говорят ДА нацистской армии. Шахтеры говорят НЕТ. Требуем проведения голосования на шахтах!»; «Йоркширские шахтеры могут помочь спасти мир во всем мире. Остановить воссоздание нацистской армии!».

КИТАЙСКИЙ ДНЕВНИК МЕКСИКАНСКОГО ПИСАТЕЛЯ

Среди многих делегатов, съехавшихся в Пекин на Конгресс сторонников мира стран Азии и Тихого океана, находился мексиканский писатель Фернандо Бенитес. Его книги, посвященные истории Мексики, широко известны в Латинской Америке. По собственному признанию Бенитеса, до поездки в Китай он очень мало знал о том, что происходило в этой стране. Его праздное любопытство туриста влекло его туда, а сознание общности судеб отсталых и зависимых стран Латинской Америки с судьбой народов Востока, подвигавших на борьбу за свою национальную независимость, за мир и демократию.

На протяжении трех месяцев своего путешествия Бенитес вел дневник, в который заносил все свои впечатления — и от природы Китая и от локиских друзей, от театральных спектаклей и от дорожных встреч и бесед. Он записывал яркие детали и статистические цифры, поучительные и смешные истории и собственные мысли по поводу всего увиденного и услышанного. По возвращении на родину Бенитес издал свой дневник отдельной книгой и одним из крупнейших буржуазных издательств Мексики. Дневник Бенитеса, названный им «Глядя на Китай», в короткое время завоевал большую популярность в Мексике. Это неудивительно! Одна из первых в Латинской Америке книг о новом Китае, написанная известным писателем с позиций беспристрастного наблюдателя, привлекла внимание читателей, которые давно ждали оскомину американская пропаганда, усердствующая в злобной клевете по адресу Китайской Народной Республики. Немало способствовала популярности яркая, образная и эмоциональная манера изложения.

Читая книгу «Глядя на Китай» не просто путешествуешь по Китаю вместе с ее автором, — он видит, как постепенно тает в писателе ледок скептицизма и неверия.

Многое в Китае напомнило автору его далекую родину. Величие Китая, так же как и культура Мексики, создано руками рабочих и крестьян. Но здесь, в Китае, рабочие руки не создают богатства для других. Они не томятся без дела во время кризисов, здесь они строят новую жизнь, здесь эти рабочие руки управляют государством.

Чем больше узнавал и видел Бенитес в своем путешествии, тем сильнее было его в глаза сходство недавнего прошлого китайского народа с сегодняшним положением трудящихся Латинской Америки, тем более сильное чувство горечи за свой народ охватывало его.

Глубокое впечатление произвели на писателя исторические преобразования в китайской деревне. Бенитес детально ознакомился с порядком проведения аграрной реформы, бывав в деревнях, беседовал с крестьянами. «Что может сравниться», — записывает он, посетив деревню «Урам Большого Колокола», — с чувством того, кто пришел в эту деревню и увидел своими глазами, что тысячи людей завоевали свое достоинство и свое право пользоваться благами цивилизации?.. Это полная и решительная революция, которую уже никто и никто не сможет изменить, потому что она отвечает жизненным потребностям и глубочайшим стремлениям китайского народа».

Писатель не может удержаться от сравнения замечательных результатов этих преобразований с незавершенной буржуазной аграрной реформой в Мексике, в результате которой «деревни медленно разрушаются и каждый год мы являемся свидетелями исхода трехсот тысяч батраков, которые ищут пропитания, как рабы, в Соединенные Штаты, томяные нищетой». На шелковых фабриках, в угольных шахтах, на машиностроительном заводе перед Бенитесом открылся индустриальный Китай — чехи, разрушенные японцами и то-

Фернандо Бенитес, «Глядя на Китай». Издательство «Нударнос Американос», Мексика, 1953.

мидановцами и восстановленные из руин и пепла благодаря трудовому героизму китайского рабочего класса и самоотверженной помощи советских специалистов.

Он увидел здесь новую технику, новых людей. Он занес в свой дневник примеры творческого отношения к труду, горести рабочих за свое предприятие, заботы народного правительства об охране труда, об улучшении жизни и быта трудящихся. Повседневные для Китая, ставшие привычными для китайских рабочих проявления демократизма в управлении предприятиями привлекли особое внимание Бенитеса. Он записывает, что комитет, выбранный рабочими, обсуждает план выпуска продукции, что на общем собрании рабочих директор фабрики публично отчитывается в выполнении плана и что рабочие подвергают этот отчет жесткой критике. И, восхищаясь героическими китайским proletариатом, который стал хозяином своей судьбы, Бенитес вновь обращается мыслями к родной стране: «Эти люди — хозяева мира. В их руках покоится будущее, потому что именно на тяжелой промышленности и на механизированном сельском хозяйстве основывается подлинная экономическая независимость народов. Пока в Мексике не достигнут эту простую истину, мы всегда будем отсталой и зависимой страной».

Главное место в записях Бенитеса принадлежит человеку — новому человеку нового Китая. Черты этого нового человека писатель улавливает и в облике маленкой пионерки, доверчиво приветствующей делегатов конгресса и в неутомимых и самоотверженных китайских студентах, и в бронзовидном шахтере — Герое труда, лишь недавно усевшемся за школьную парту, и в старой крестьянке, гордящейся своим сыном-добровольцем, который сражается в Кореи. Из отдельных черт, фактов, разговоров и наблюдений со страниц дневника встает образ народа — творца истории. Эмоциональная вершина книги — глава, посвященная описанию народной стройки — плотина на реке Хуайхэ. Картина самозабвенного трудового энтузиазма тысяч людей вызывает у писателя восторженные слова: «Благодарности, глубокое чувство человеческой солидарности наполняют мое возмущенное сердце. Народ — это все. Только он способен вернуть нам веру в человека, доброту, с которой мы родились, возвышенность и чистоту помыслов».

Пафос революционных преобразований, творческое создание новой жизни в Китае оказывают могучее воздействие на всех, кто хотя бы на короткое время становится его свидетелем. Фернандо Бенитес, по его собственному признанию, уехал из Китая не таким, каким он туда приехал. Недаром, переключаясь с известным колумбийским писателем Хорхе Саламеа, посвятившим свою книгу о конгрессе в Пекине молодым китайским друзьям, которые, по его собственным словам, вернули ему веру в предназначение человека, Фернандо Бенитес пишет: «Нет, Хорхе Саламеа не единственный, кому эта молодая новая Китай возвратила его веру в человека».

Так возникает и растет в дневнике Бенитеса тема глубокого исторического оптимизма. Этот оптимизм вытекает из убежденности в конечном торжестве великого дела мира во всем мире. Книга заканчивается проникновенными словами: «Китайская пословица говорит: «Нельзя завернуть огонь в бумагу», за самими высокими стенами нельзя скрыть правду. Правду о восьмистах миллионах людей, горячо любящих мир, об отчужденном огне — пылающей совести людей доброй воли. Этот огонь испепелит гаухую стену ненависти, разделяющую людей-братьев, населяющих широкий, щедрый и нежный лиг земли».

Своим свидетельством о Китае и о его людях мексиканский писатель-патриот Фернандо Бенитес внес вклад в дело мира, в укрепление взаимопонимания между народами.

В. КУТЕЙЩИКОВА, Л. ОСПОВАТ

Боннский канцлер: — Я заверю вас, что у меня нет никаких агрессивных устремлений... Рисунок худ. Миттельбергера из французской газеты «Юманите-диманш»

Чем закончилась «встреча» эсэсовцев

Гавари так называемого «Общества взаимопомощи» (ХНАГ), объединяющего бывших эсэсовцев, недавно назначили в городе Изерлоне (Западная Германия) расчистившую на два дня «встречу» фашистских молочников, служивших в частях СС.

Сообщение о предстоящем собрании вызвало, однако, бурю возмущения. Из разных городов Западной Германии, а особенно из Рурской области, в адрес боннских властей посыпались протесты рабочих, профсоюзных и других организаций. В конце концов боннским покровителям эсэсовцев волей-неволей пришлось объявить сбор в Изерлоне «нежелательным». Они составили при этом лишь на то, что такой слет мог бы «затруднить» обсуждение за рубежом вопроса о восстановлении вермахта.

«Запрет» был сформулирован столь перешито, что эсэсовцы, как и следовало ожидать, не приняли его всерьез. «Нежелательное» собрание состоялось, правда, с неожиданным для его организаторов эпизодом.

Сотрудник заанногерманской газеты «Трибуне дер арбейт» описал события, которые произошли в Изерлоне. Ему, так же

«Литературная газета» выходит три раза в неделю: по вторникам, четвергам и субботам.

Адрес редакции и издательства: Москва И — 51, Цветной бульвар, 39 (для телеграмм — Москва, Гитгазета). Телефон: секретариат — К 4-04-62, редакция литературы и искусства — К 4-02-29, Коммунар — К 4-08-89, К 4-72-88, международная жизнь — К 4-03-48, науки — Б 3-27-54, отдел информации — К 4-08-69, писем — Б 1-15-23, издательство — К 4-11-68

Типография «Литературной газеты», Москва И — 51, Цветной бульвар, 30.

М. Н. КЛИМКОВИЧ

5 ноября 1954 года после тяжелой и продолжительной болезни скончался на 55-м году жизни известный белорусский критик и драматург, член правления СП СССР и СП БССР, член КПСС с 1920 года Михаил Николаевич Климович.

Литературную деятельность М. Н. Климович начал в 1926 году. Из многих критических работ М. Н. Климовича особенно значительны статьи «О животворном влиянии русской литературы на белорусскую литературу».

М. Н. Климовичем написаны пьесы «Катерина Жерновская», «Вся власть Советам», «Георгий Скорина», а также либретто оперы А. Фадеев, Я. Колас, А. Сурков, К. Симонов, Н. Тихонов, П. Бровка, М. Исаковский, А. Твардовский, Н. Гривачев, Б. Полесой, Л. Леонов, В. Бахметьев, А. Добрынин, К. Крапива, Е. Мозольков, С. Евгений, И. Шамякин, М. Калачинский, П. Гасбля, А. Кулешов, М. Танк, П. Панченко, Е. Войнич.

Я. В. ГОДИН

В г. Ижевске скончался после продолжительной и тяжелой болезни на 68-м году жизни один из старейших русских поэтов, член КПСС Яков Владимирович Годин. Начало творческой деятельности Я. В. Година относится к 1903 году. За пятидесятилетие им написано много стихотворений и поэм, опубликован ряд сборников: «Стихи о Востоке», «Сверенные дни», «Старый мир» и др. В начале Великой Отечественной войны Я. В. Годин эвакуируется из Ленинграда в г. Ижевск и здесь продолжает творческую работу; выступает с боевыми стихами в республиканских, районных и заводских газетах, часто встречается с читателями на предприятиях и в учебных заведениях, много сил отдает

воспитанию литературной молодежи, руководя литкружками, переводом на русский язык произведений удмуртских поэтов. За последние годы поэтом издано в Удмуртском государственном издательстве два сборника стихотворений — «Поджигатели», «Лирика и сатира».

За активную общественно-политическую работу и литературную деятельность Президиум Верховного Совета Удмуртской АССР наградила Я. В. Година почетной грамотой.

Память о Я. В. Године, талантливом и скромном труженике советской литературы, чутком и отзывчивом товарище, навсегда останется в наших сердцах.

А. Фадеев, А. Сурков, Н. Тихонов, С. Маршак, К. Чуковский, С. Городецкий, Б. Лавренев, В. Саянов, А. Прокофьев, А. Буталин, М. Петров, Т. Архипов.

Главный редактор Б. РЮРИКОВ. Редакционная коллегия: Б. АГАПОВ, А. АНАСТАСЬЕВ, Н. АТАРОВ, Г. ГУЛИА, А. КОРНЕЙЧУК, В. КОРОТЕВ, В. КОСОЛАПОВ (зам. главного редактора), А. КРИВИЦКИЙ, В. ОЗЕРОВ (зам. главного редактора), К. ПАУСТОВСКИЙ, Н. ПОГОДИН, С. СМЕРНОВ.